

Из дневника 1954 года

Р. Г. Назиров

8 января 1954.

Новый год я встретил гнусно: нарезался, наблевал на лестнице у Гебы, спал под столом. Хуже всего, что в весёлой компании была девушка, которая живёт в нашем дворе. Саша Руденко, тоже сильно хлебнувший водки и вина, чуть не плакал, потому что тоже был болен и вдобавок очень расстроен: он летом 1953 г. влюбился в красивую девушку, Римму Нефёдову, и у них что-то получалось, но как-то, оставшись с ним наедине, показала ему паспорт и призналась, что «расписана», т.е. вышла замуж; муж её был какой-то моряк, и она вступила в брак сгоряча, не подумавши; теперь она раздумала и не хотела практически осуществлять брак (она была ещё девушкой, её жених, выйдя из загса, уехал), но «муж» ей писал, родители жестоко влияли на неё, стараясь «выбить блажь» из её головы, насильно принуждали жить с мужем. Она долго противилась, но муж опять приехал в Уфу. Она прямо обратилась за советом к Сашке, но он, мальчик, ответил ей нечто вроде «делай, как знаешь». Вскоре была отпразднована свадьба, муж увёз её в другой город, и вот, недавно (впрочем, это уже в прошлом году) она умерла. Саша очень убивался, и мы трое выпили в память её бокал вина (я, Саша и Лёвка Митюгов). Другие не стали пить с нами, посмеялись, и Саша обложил их нецензурными словами, чего, правда, почти никто не услышал. На этой вечеринке у Геры мы танцевали под музыку танго «Барселона». Лещенко замечательно поёт это танго:

«В Испании родной, когда утихнет зной. . . »

и потом чудесный переход:

«Ночь наступает, всё затихает: выйди, побудь со мной».

Следует припев, который я по сей день не устаю напевать:

«Спустился вечер, и Барселона [в лиловый сумрак оделась вновь].

Приди скорее, сойди с балкона, моя красотка, моя любовь!

Звук серенады тебя разбудит, [пусть твоё сердце затронет он],

с тобою вместе нам так сладко будет! Приди скорее, я так влюблён!»¹

Мне рассказали, что Лещенко был капитаном артиллерии в белой армии. — На другой стороне той же пластинки у Гебы романс «Снилось мне», тоже Лещенко.

¹Строчки, недостающие в моей памяти, я сочинил сам.

«Снилось мне твоё личико смуглое, и на сердце так было легко»,

а кончается так:

«Не обманешь ты сердце усталое, ведь я знаю — это было во сне».

В декабре и начале января я часто посещал читалку на углу улиц Ленина и Пушкина, брал главным образом одну и ту же книжку Шарля Бодлера, «Цветы зла» в переводе Якубовича-Мельшина. Если не ошибаюсь, книжка издана в период идейного маразма русской интеллигенции после 1905 года. Шарль Бодлер был сильный и независимый поэт, у него много смелости и горечи, но также встречаются мотивы разочарования, пресыщения и скуки (spleen). В одном стихотворении он воспеваает падаль, пожираемую червями, в другом, обращаясь к не любящей его девушке, рисует её картину ожидающей её смерти и могильных червей. Экзотические сцены, восточные образы, азиатские женщины (стихотворение к «Малабарке») занимают большое место. Поэзия Бодлера — начало упадка, но всё же его творчество, в отличие от творчества его последователей-декадентов, представляет реальную ценность.

Кроме того, я взял в читалке «Сон в летнюю ночь» Шекспира и «Зимнюю сказку». Читая «Сон в летнюю ночь», я расхохотался на весь читальный зал (в том месте, где Шекспир, пародируя предшествовавшую драматургию, изображает трагедию «Пирам и Фисба» в постановке афинских ремесленников). Чудесная штука: Афинский герцог Тезей и его Ипполита, эльфы в лесу, Оберон, царь духов, поссорившийся со своей женой Титанией, проказник Пэк, ткач Основа с ослиной головой — целая алмазная россыпь.

Сегодня же я читал в библиотеке Роже Мартена дю Гара, автора «Les Thibault». Помоему, Михаил Александрович Шолохов, John Galsworthy и Roger Martin du Gard — три величайших романиста XX века. Сначала я прочёл «Старую Францию», которая в руках Мартен дю Гара кажется крохотным этюдам (напиши я сейчас нечто подобное по силе, я бы сразу прославился на весь Союз). «Старая Франция» послужила для возбуждения аппетита, Vorschmack, как говорят немцы. Потом я взял том II-й русского перевода «Les Thibault» и прочёл в нём четвёртую и пятую часть эпопеи: «День врача» и «Сестрёнка». «Смерть отца» я уже не стал читать: голова раскалилась от возбуждения.

Прочту послезавтра (завтра суббота, библиотека не работает).

Вчера я сдал на отлично первый экзамен (введение в литературоведение).

Зима в этом году очень красивая. Особенно красиво было в начале декабря: иней, иней, а снега нет. Теперь стоят светлые морозные дни. Очень холодно.

В партийных кругах в декабре зачитывалось полностью решение коллегии Верховного суда по делу Берия. Там делается упор на его гнусный моральный облик; говорят, что он растлевал малолетних (школьницы и т.п.). Это не оглашается, что совершенно правильно.

Совсем забыл: накануне нового года «меня бес толкнул в ребро», и я ни с того, ни с сего послал поздравительную телеграмму в Москву, Эльвире. Кроме того, уже в этом году

я послал в «Литературную газету» очень резкое письмо по поводу отвратительного романа Ф. Панфёрова «Волга — матушка река». А сегодня в читалке мне пришла в голову мысль: написать письмо — «France, Paris, Roger Martin du Gard». Какой-то честолюбивый зуд, властное желание заявить о себе миру. Не надо так спешить с этим. . .

Между прочим, в нашей группе есть очень славная и очень милая толстуха — Рита Путинихина. Она мне адски нравится.

В Гастингсе международный турнир. Бронштейн лидирует, Толуш тоже понемногу «даёт стране угля» (странное студенческое выражение, произведённое от русского энергического глагола дать, поддать: даёт жару, даёт жизни, даёт прикурить; даёт стране угля — т.е. делает что-то сильное).

13 января 1954. Вчера сдал на «отлично» русское народное творчество.

Зима в этом году красивая и страшная. В Уфе довольно долго стоят сильные морозы. Густой пушистый иней день за днём покрывает деревья белым покровом; провода превратились в толстые белые канаты, ветви деревьев от инея и мороза не выдерживают, гнутся книзу; деревья стоят поникшие, с тяжело обвисшими ветвями; акации, не выдерживая тяжести, валяются на ограды. В Европе небывалая зима, бури и снегопады. В Югославии и Италии зима превратилась в настоящее бедствие: в Югославии был парализован транспорт, непрерывный снегопад прервал радиотелефонную связь Белграда со многими городами Европы; в Италии в одной области (кажется, в Аbruццах) глубина снега достигла 3-х метров, какая-то деревня была отрезана от внешнего мира в продолжении недели. В Швеции тоже страшная снежная буря. Сильные холода в Москве, а в Ленинграде всё время тёплая хорошая погода.

В Республиканской библиотеке я дочитал второй том русского перевода «des Thibault», именно «La mort de père». В продолжении чтения я делал кой-какие выписки: эта книга меня очень волнует. Эти листки я прилагаю сюда, к этой странице.

Прочёл недавно «Историю тринадцать». «Златоокая девушка» — очень интересная вещь, хотя, по существу, это не настоящий Бальзак. «История тринадцати» и особенно «Златоокая девушка» — это Бальзак + Радклиф + маркиз де Сад. . .

Но мне не хочется писать о моих книгах, о моих скучных увлечениях. Я думаю о любви, т.е. фактически об Эльвире Берлявской. Она в Москве, и с нею лихие московские хлопцы.

Турнир в Гастингсе кончился. Бронштейн поделил первое место с Александером, Толуш осрамился. Весной играется матч Ботвинник — Смыслов. Сейчас чемпионат Союза.

22 января. (Пятница).

Вчера я сдал последний экзамен. Все четыре — на «отлично». С февраля начну получать повышенную стипендию.

В читалке я прочёл пошлый старый роман Виктора Маргерита «Вавилон». Взгляды автора можно определить как бульварно-социалистические с анархистским уклоном, но с симпатиями к Советскому Союзу. Изображается Лига наций, конференция по разоружению, на которой с суровыми и загадочными лицами сидят Литвинов и Луначарский. Всё это уже

покрылось холодным пеплом истории. Живы ещё люди, слышавшие блестящие лекции-импровизации Анатолия Васильевича, но уже создаются легенды, уже это ушло, и красивый седогривый нарком давно умер. Кто-то говорил мне, что знаменитая киноактриса Малиновская сожительствовала с ним — та самая Малиновская, сказочная красавица из фильмов «Станционный смотритель» и «Lokis» (по новеллам Пушкина и Мериме), которая бежала за границу в самый разгар карьеры, она и её постоянный кинопартнёр. Им захотелось блеска, богатства, европейской славы; позже они приходили в советское посольство и просились в Россию, обратно, домой. Это время, вчерашний день истории, двадцатые годы, эпоха моего рождения, молодость моей матери очень привлекает мою мысль. . .

Заметки к второму тому русского перевода «des Thibault», именно «La mort de père»

Мартен дю Гар, «Vieille France». Интересное выражение: «крушение русских бумаг». Так Франция восприняла революцию 1917 г. Для них это была биржевая катастрофа, разорившая множество мелких вкладчиков и надолго утвердившая в сердцах буржуа ненависть к советской России. Маяковский написал стихотворение по поводу поднятия в Париже советского флага над посольством, или консульством, или как там ещё это называлось: собралась толпа любопытных, которые оглушительно свистели и улюлюкали.

Мартен дю Гар, «La consultation» (четвёртая часть «Les Thibault»). Замечательно раскрывает душевный мир Антуана Тибо через его отношение к людям, с которыми он сталкивается в процессе труда. Реализм Мартена дю Гар местами поднимается до гигантских вершин. Антуан — врач, и его пациенты принадлежат к самым различным слоям общества. Два чудесных мальчика-сироты, по фамилии Боннар; доктор Эке с беременной женой и умирающей дочерью; две мерзкие фигуры светских женщин — развратная красавица мадам де Батенкур и синеглазая англичанка, мисс Мери, гувернантка Гюетты. Это очень яркая пара: мадам де Батенкур постепенно бросила свой прежний «нормальный» разврат, чтобы предаваться лесбосскому пороку; её любовница, мисс Мери. . .

Пятая часть «Les Thibault» называется «La sorellina» (сестрёнка).

Часть шестая «La mort du père». Жак.

«Какая горечь — чувствовать себя таким старым, изношенным, грязным!»

«Он всегда торопился поддаться своим искушениям, чтобы как можно скорее освободиться от них».

Последний абзац IX главы, часть 6-я. О, сила!

«Отец нашёл в вере бесподобную поддержку. Благодаря ей он никогда не знал того, что мешает делу: угрызений совести, обострённого чувства ответственности, сомнений в себе и тому подобное. Человек верующий просто действует».

Хорошо, но ведь непрерывно действовать — не значит идти всегда путями истины.

«Можно даже сказать, что он поработил своё сознание. Со школьных лет он решительно отказался от исканий самого себя, от свободного мышления, открытий, познания. Он знал лишь одно: идти вперёд по одной колее».

Но мне стыдно писать о своих личных увлечениях, когда вся Уфа охвачена одним ужасом. Вчера или позавчера догорел грандиозный нефтяной пожар в Черниковске. Прошлый был почти ровно год назад.

В этот раз пожар был ещё сильнее. В Уфе было видно со стороны Черниковска огромное зарево и в нём отдельные вспышки. Это рвались цистерны. . . Жертв множество, слухи самые панические: нето 400, нето 500. Говорят, вывозили детей в Уфу. В самом Черниковске все клубы забиты погорельцами. Как глупо строят в Черниковске! Не считая двух цехов крекинг-завода, уничтоженных в первую очередь, пострадали окружающие строения, сгорел при взрыве детский сад. Это страшно. Число жертв никто не знает, множество семей в Черниковске оплакивают своих кормильцев, не вернувшихся с работы. Рабочие проявили свойственный им деловой героизм, проявляющийся в самые страшные моменты рабочей жизни (будь то война, революция или производственная катастрофа). Рабочие своей находчивостью спасли крекинг-завод и Черниковск. Но убытки гигантские, 30.000 тонн горячей нефти были отведены в реку Белую. Пожар гасили, вероятно, с самолётов, бомбами с углекислым газом.

Рассказывают, что когда из Уфы на место бедствия примчались «люди из министерства», то секретарь Черниковского горкома КПСС резко остановил их: «Не нервнируйте людей, уйдите. Потушим пожар, тогда и берите, кого нужно. А сейчас оставьте в покое». По Уфе распространилось всеобщее убеждение о вредительстве, об чьём-то злом умысле. Усматривают мистическую связь между прошлым и нынешним пожаром: почти ровно через год.

Техническая комиссия, созданная из специалистов, точно установила причины взрыва. В цеху находился сосуд (цилиндр, цистерна, словом, некое вместилище) с бутаном. Он устроен таким образом, что если в сосуде накапливается, против обыкновения, по чьёму-то недосмотру, слишком много бутана, вентиль при давлении выше двенадцати атмосфер автоматически открывается и выпускает бутан, пока не восстановится нормальное давление. Все, кому случается идти мимо Аварийного посёлка, ощущают вонь от насыщающего воздух бутана. На этот раз случилось, что вентиль почему-то заело, и бак, не выдержав давления, лопнул.

Бутан потёк понизу; в цеху работали форсунки. Произошёл страшный взрыв. Первыми жертвами были две смены рабочих, т.к. взрыв произошёл в момент передачи работы. Начался пожар, и вместе с ним началась битва человека с освободившейся стихией. Зверь вырвался из клетки. Эти два дня могли быть содержанием великой поэмы. Меня там не было, и эпопея прошла мимо меня. Не так ли и вся жизнь проходит мимо меня?

Сегодня я отправился к Женьке Иванову. Он приехал на каникулы из МЭИ. Видел там Эльвиру и Ивана Новикова. Иван всё где-то устраивается, ловчится, но его что-то не хотят взять, видимо, из-за того, что он когда-то побывал в психиатрической лечебнице.

Мы с Женькой пошли к его товарищу Дьячку и отпраздновали каникулы небольшим возлиянием Бахусу. Там я услышал популярные в Ленинграде припевки на мотив «Горят костры далёкие» и на тему о Берии:

«Растёт в Тбилиси алыча
Не для Лаврентья Павлыча,
А для Климент-Ефремыча
И Вячеслав-Михайлыча».

«Нас в коммунизм без лишних слов
Ведёт Георгий Маленков,
А проститутка Берия
Не оправдал доверия!»

Тема Берии занимает все умы. Вероятно, в своё время такое же впечатление наделал Евно Азеф. Но то было сильнее — провокатор, сказочная сволочь, Берия больше занимался московскими гимназисточками. Однако, Берия чуть не захватил власть. Какой негодяй! Хотел прыгнуть в бонапарты, овладеть Союзом путём дворцового переворота. Сусоронь! Не на таковских нарвался!

Я много читаю.

Кроме «Вавилона» я прочёл два растленных французских романа разных периодов — «Себастьян Рок» Октава Мирбо и «Путешествие на край ночи» Луи Селина. Первый производит довольно сильное впечатление. Кстати, он наводит на мысль, что автор сам когда-то претерпел изнасилование и все прочие вещи, что там описываются. Луи Селин — чудовищная гниль, циничное фильтрование блевотины, дерьма, спермы и гноя. Вместе с тем попадаются замечательно талантливые строки. Сцены американской жизни уничтожающе реалистичны. Иногда, когда в авторе заговаривает чисто сексуальная нежность, он удивительно пишет о женщинах — ласково и цинично, но без всякого желания оскорбить, en bon bougre, а порою даже хорошо (американская проститутка Молли). Очень яркими красками Луи Селин изображает Маделон — развратную потаскуху, выдумывающую себе роман («она была в бешенстве и была довольна тем, что она в бешенстве») и убивающую жертву этого романа — ушедшего от неё мужа. Она застреливает его в такси, тремя выстрелами из револьвера; шофёр останавливает машину, Маделон выпрыгивает и убегает. Далее — агония Робинзона, полицейский протокол и возвращение домой. Пьяный ажан, знакомец автора-повествователя, возбуждённый всей этой историей, пытается сплясать «танец огня» в кабаке, но его утихомиривают. Несколько ничего не значащих фраз — и роман кончается; нарочито издевательски, цинично и опустошённо звучит этот финал тёмного и похабного романа. Нет, это не фашистская книга, как её назвали у нас, но это мутная и скверная книга.

Прочёл романтическую драму Бюхнера «Смерть Дантона». О, доброе старое время!

Рассказы Эрскина Колдуэлла просты до гениальности. Я в восторге от них. Вообще американская манера писать всё более меня покоряет. Я никогда не читал ничего равного рассказам Колдуэлла: «Стрельба», «Первая осень», «Рэчел» и «Бабье лето». Особенно первый и четвёртый. Это правда. Это правда.

29 января. Пятница. Приехало на каникулы несколько старых друзей, товарищей по школе. Славка Жерехов приехал из Ленинграда.

В Черниковске ведётся грандиозное расследование. Всеобщее мнение гласит, что это диверсионный акт. Рассказывают подробности. Сосед, нефтяник — впрочем, вру, он просто экономист на одном из предприятий Черниковска — утверждает, что техника безопасности настолько высоко автоматизирована, что возможность аварии сведена к минимуму. Но факт налицо, ergo — диверсия. Описывают, как один рабочий (или мастер) первый заметил опасность и немедленно известил лаборанта — молодую девушку. Та поднялась по лесенке к доске с приборами: давление было очень повышено. Она начала регулировать давление, но не успела: раздался взрыв. Это был первый взрыв, с которого начался пожар. Рабочему оторвало обе руки; взрывная волна вышибла вместе с дверью его на улицу. От девушки-лаборантки ничего не осталось: она, по выражению черниковских нефтяников, «улетела на луну». На пожар мгновенно прилетел на самолёте министр нефтяной промышленности СССР, а также Круглов, министр внутренних дел. Опасность угрожала всему Черниковску: огонь подбирался к уцелевшим установкам. По приказу министра их взрывали одну за другой: очистив окружающее пространство и оцепив его, расстреливали эти установки на расстоянии, бронебойными снарядами. Это и были вспышки посреди зарева, которые были видны в Уфе.

Когда пожар был потушен, старый крекинг представлял собой груды развалин. Новый крекинг работает на полную мощность. Количество жертв держится в секрете. Чтобы успокоить население, в Черниковске были торжественно устроены официальные похороны. А грузовиках везли 29 гробов. Кроме рабочих, в гробах лежали пожарники и работники МВД, погибшие при тушении пожара. По словам соседа, тел было немного: в большинстве гробов лежали обгорелые кости с фотографическими портретами вместо лица. Большинство молодёжь, четыре женских имени (вряд ли это точно). Но всё это официально, а сколько «улетело на луну»?

Сейчас в Берлине Молотов ведёт дипломатическую борьбу с Иденом, Даллесом и Бидо. Алик Глезер привёз из Москвы ещё одну частушку:

«Лаврентий Павлыч Берия
Не оправдал доверия,
И от министра Берия
Остались пух да перья».

В день, когда газеты известили о решении суда и добавили лаконичную строчку: «Вчера приговор приведён в исполнение», — в Москве были оцеплены нарядами пехоты главнейшие

учреждения, правительственные здания и московские небоскрёбы («высотные здания»). Солдаты стояли через 3 метра. Видимо, правительство чего-то опасалось. По-моему, это опасение было совершенно необоснованно. В этот же день был вновь открыт расширенный и перестроенный ГУМ. В него ринулись огромные толпы народа. Что это — стремление отвлечь внимание от Берии? Да кому он нужен, пропади он пропадом! (Кстати, уже пропал пропадом). Вечером оцепление было снято.

Студенчество живёт. Как никогда, молодёжь любит джаз и «стиль»: гонение на джаз только усилило его популярность. Танцуют стильно. «От Москвы и до Калуги¹ дружно любят буги-вуги!» Огромную популярность приобрела мелодия «Сан-Луи». Это американский фокстрот, переделанный из блюза. Он уже почти узаконен, и недавно по радио передавали блюз «Сан-Луи» в исполнении Поля Робсона. В Москве на мотив «Сан-Луи» сочинено несколько вариантов весёлых и насмешливых частушек (порою просто бессмысленных). Вот образцы:

«Москва, Одесса,
Лос-Анджелос
Объединились
В один колхоз.
Мы все за мир,
Мы не хотим войны.
Мы все живём
В колхозе Сан-Луи.
О, Сан-Луи,
Колхоз-миллионер,
Ты самый лучший
В Эс-эс-эс-эр!
Имба-читальня,
Сто второй этаж,
Там русский танец
Лабает джаз!»

Иногда в первом куплете поют: «Нью-Йорк, Калуга, Лос-Анджелос» и т.д. В последнем: «Там буги-вуги лабает джаз». «Лабать» — синоним «рубить», «откалывать», стильно исполнять. «Лабач» — стильный музыкант. Некоторые «лабачи» пользуются в Москве огромной популярностью: в числе их настоящие виртуозы, например, скрипач из джаз-оркестра Утёсова или «ударник» Лацио Ласло. Алик Глезер нарисовал мне яркую картину одного из вечеров в их институте. По просьбе студентов джаз, приглашённый, кажется, из какого-то знаменитого ресторана, лабает буги-вуги.

¹ «От Нью-Йорка до Калуги. . . »

Студенты-стиляги танцуют в узеньких брючках, в длинных пиджаках и туфлях на толстой подошве, такова теперь мода. Девушки танцуют в очень узких, обтягивающих, но довольно длинных юбках, с двумя рядами пуговиц — справа и слева. Эта мода, как я полагаю, пошла от проституток. Этот фасон называется «мужчинам некогда». Самое смешное то, что этот фасон был в большом ходу в конце 16 века у венецианских проституток («Адам нового мира», исторический роман Линдсея). Танцуют плотно сблизившись, с модными поворотами, изгибами, выкрутасами, заимствованными с Запада. В танго, например, ставят ногу за ногу. Но настоящего западного похабного стиля у нас всё же нет. Самый стильный институт — «Ин-Яз», но и там настоящих стилиг мало. На танцплощадках эротическая западная манера запрещена, и особо вызывающих стилиг удаляют. Алик вспоминал, как с одного танцевального вечера администрация выволакивала стилигу, и он орал: «Свободу движению ног!»

Так вот, танцуют буги-вуги. Время от времени один из джазистов встаёт и ведёт мелодию «solo»: аккордеон, контрабас или ещё чего-нибудь. Знаменитый ударник отбивает бешено синкопированный ритм, то, что американцы называют рэг-тайм, рванный ритм. Вот он встаёт, весь джаз умолкает, и только ударник с точностью автомата чеканит дробь, — «сплошной брэк!» — восхищённо рассказывал Алик. Затем он внезапно умопомрачительным вращательным движением швыряет вверх свою палочку, хватает «сакс», и, пока палочка вертится где-то под потолком, он выделяет какую-нибудь фразу на саксофоне. Потом он вновь кладёт сакс, палочка падает ему в руки и вновь — рассыпчатый сухой «брэк». Весь этот промежуток танцуют без музыки.

Допишу завтра.

30 января. Суббота. В Москве и в Уфе, в Ленинграде и Сибири, всюду поют «Журавлей». Вот уже год, как эта песня стала всеобщей манией. Её полюбил народ. Можно услышать, как пьяные мужики выводят эту песню, с нецензурными добавлениями между строк для пущей выразительности, и при этом рыдают — заливаются настоящими слезами. Раз песню поют пьяные — значит, песня принята массами. Это старая песня из репертуара не то Лещенко, не то Вертинского. Она, действительно, трогает за душу.

Жерехов прожил почти весь I-й семестр плохо: он в общежитии попал в одну комнату с дрянными ребятами. Подобралась тёплая компания из разных городов: играли в карты, пьянствовали и дрались, не давая ему ни учиться, ни спать. Последний их подвиг Славка мне живописно изобразил. Эти ребята сдавали экзамены после срока и были зачислены без стипендии, но после долгих ходатайств Москва дала приказ: зачислить на стипендию и выплатить стипендию за все прошедшие месяцы. У мальчиков вдруг оказалось в руках несколько тысяч. Как водится у русских людей, это неожиданное счастье мальчики решили спрыснуть. В результате получилась такая картина: Жерех входит в комнату: она вся покрыта непереваренной пищей, размешанной в желудочных соках. В этой вязкой влаге лежало несколько «трупов». Один сидел в задумчивой позе за столом, подперев рукой обвязанную голову. Скобарь, самый сильный студент химфака, ходил неверными шагами

среди «трупов», и по его брюкам стекала блевотина. Он пытался выйти из комнаты, но мозжечок отказывался ему служить, и всё плыло перед глазами. Скобарь поднимал колени, как лошадь, и опускал ногу осторожно, бережно ставя её в лужу: раздавалось звучное хлоппанье. Он сказал Жереху тугим голосом: «Ты уж, Славка, переночуй где-нибудь, мы всю твою кровать заблевали». Кровать Жереха подверглась этой участи потому, что стояла ближе всех к «жизненному пространству» комнаты. Другая картина из того же вечера: по коридору общежития бегом бежит «студсовет» и несёт Скобаря, связанного по рукам и ногам (он затеял драку). Скобаря вносят и кладут на кровать, а один из членов студсовета берёт фотоаппарат и книпс, кнапс — фотографирует комнату. Но тут встаёт человек с перевязанной головой, молча подходит к аппарату и тяжело роняет на него массивный кулак. Фотоаппарат превращён в обломки, человек с обвязанной головой так же молча возвращается, садится и, мрачно подперев голову рукой, вновь вперяет в пол пронзительный взгляд. В это время Скобарь, изрыгая сатанинский мат, корчится на своей постели. Наконец, ему удаётся освободиться от уз, и он поднимается с постели с видом грозной решимости, но студсовет не ждёт продолжения истории, а мудро ретируется, заперев за собой комнату.

После этого казуса компания была исключена из института. Другой студент был исключён за то, что привёл на ночь женщину в общежитие.

Конечно, не вся советская молодёжь предаётся пьянству и разврату, но факт, что после войны разлагающее влияние усилилось. Это неоспоримо. В 1953 году, «Комсомольская правда» в номере от 19 ноября поместила большой фельетон «Плесень», напумевший по всей стране; в нём говорится о компании молодых людей в Москве, предававшихся пьянству, разврату и уголовным похождениям. Все они принадлежали к обеспеченным состоятельным семьям, а главарь — сын известного академика. Разложение особенно захватывает сыновей выдающихся людей (известный среди уфимской молодёжи Сашка Кувыкин, сын нашего Игнатьева, или попавший в газеты Евгений Дунаевский, который при поступлении в институт написал в анкете: «сын известного композитора и танцовщицы»). Очевидно, при социализме губительная сила денег утраивается. Видимо, приходит время уничтожить товарное обращение и вместе с ним денежную оплату труда, как предусматривал Сталин в «Экономических проблемах».

В Москве, в парке Ногина, среди бела дня милуются парочки: по одной на каждой скамейке. Девушка сидит на коленях молодого человека, а он обнимает и целует её. Даже среди девушек честных цинизм и распущенность граничат с развратом, а среди профессиональных девок — что уж говорить. Однажды (в 1952 году) одна так и отрекомендовалась нашим хлопцам: «Я ебальная машина». Говорят, что она была довольно красива. Московские проститутки — многочисленное и жадное племя.

Весь дипломатический корпус содержит любовниц в театре оперетты. Надо полагать, все они состоят на службе в министерстве.

Между прочим, сейчас последний крик моды — китайские галстуки, шёлковые, необыкновенно ярко и красиво разрисованные.

4 февраля. Сегодня мне стукнуло 20 лет.

Вчера я посмотрел итальянский фильм «Неаполь — город миллионеров». Итальянское кино — лучшее в мире. Даже такой композиционно не собранный, неудачный фильм производит неизгладимое впечатление. Как врезаются в память лица донны Амалии, донна Дженнаро, Паскуале! Все настоящее: фашисты, полицейские, клерикалы, немецкие автоматчики, американцы. Американский офицер в рубашке с засученными рукавами, американские солдаты, всё меняющие на папиросы; бесчисленные амуры освободителей-американцев с неаполитанскими девушками (ведь сначала американцев в Европе очень любили). Пьяные компании в своих джипах. Очень выразителен эпизод, когда в отсутствие донны Амалии дочь выпускает в квартиру американцев, и они танцуют. Когда они уходят, она бежит к окну и открывает его. Один из американцев, долговязый верзила, словно случайно отстал от своих. Ночь. Он наклоняется к девушке в окно; потом решительное движение — мелькают во весь кадр две длинные ноги и зад в военных брюках, он спрыгивает внутрь и целует девушку. Она нерешительно сопротивляется. Он оборачивается и захлопывает за собой окно. Всё ясно. Никакого натурализма, а какая трагическая сила!

Девушка, дочь Дженнаро и Амалии, кажется, её зовут Мари — изумительно красивая. Не девушка, а мечта, этакая сахарная куколка, но глаза живые. Играет она средненько, в этот фильм она взята только за красоту.

Сейчас моё очередное увлечение, — кроме этой девушки из кино, — песни и романсы Изабеллы Юрьевой. Старая цыганка даст сто очков вперёд Клавдии Шульженко.

«Что ж сидишь ты и нахмурил брови, что ж не хочешь подойти ко мне?»

Когда она поёт это место в «Весенней песенке», то видишь женщину, которая открывает руки для объятия и губы для поцелуя. Или «Караван»: «И вдаль глядел усталый караван».

Второго февраля был вечер в 45-й школе, а в субботу 30-го января был вечер в 11-й школе. Ничего особенного не произошло. Встретился с нашими ребятами. Немного потанцевал.

8 марта 1954 года.

Кончилось Берлинское совещание министров иностранных дел. Единственный крупный его результат — в Женеве соберётся новое совещание с участием Китая.

Наше правительство после XIX съезда партии взяло курс на развитие сельского хозяйства и лёгкой промышленности. Решено увеличить посевы за счёт многолетних трав. Добровольцы из комсомола Москвы отправились на освоение целинных и залежных земель Алтая. Их провожали с большим торжеством, члены правительства говорили им прощальные речи. В Уфе комсомольские представители встречали московских добровольцев на вокзале с двумя духовыми оркестрами. Сейчас эти ребята уже на Алтае. Этот порыв тронул весь Союз, он напомнил старшему поколению его юность, — Комсомольск, Магнитку, Кузбасс, Днепрогэс; а мы, люди сегодняшнего дня, мы, комсомольцы, все как один

ощутили мучительную зависть, желание бросить наши скучные аудитории, наши учебники и зачётные книжки, нашу латынь, анатомию, сопромат, матанализ, старославянский язык и прочее — бросить и ринуться в весёлое неведомое с лёгким чемоданом, где лежит одна перемена белья и любимая книжка. Я сужу по себе и товарищам — все мы на какой-то миг страстно захотели уехать в эти далёкие целинные степи Алтая, где нет электричества, нет водопровода, нет тёплых уборных, но где проходит передовая линия жизни — а это самое главное!

На нас дохнуло героизмом прошлых лет, высоким горением тех пятилеток, которые недавно ещё назывались сталинскими.

Недавно ещё назывались. . .

Теперь нет уже сталинской Конституции, а есть Конституция СССР, нет сталинских пятилеток, а десять сталинских ударов в 1944 году называются просто десять ударов Советской Армии. Всякому ясно, что означает кампания против культа личности в нашей прессе — в общем, если смотреть со стороны, очень правильная и разумная кампания, но её скрытая цель — снять лавры с тени Сталина и поставить эту великую тень на причитающееся её место. Что ж, стремление вполне законное. Не Сталин составлял всю Конституцию, он лишь о ней докладывал. Не Сталин проводил в жизнь пятилетние планы, он лишь руководил их проведением. Не Сталин организовал победы Советской Армии в войне с фашизмом — он лишь вдохновлял эти победы. Сталин — мощный политик, дипломат, марксист, но он отнюдь не был полководцем. Кажется, что и план Сталинградской операции принадлежит маршалу Василевскому.

«Культ Сталина» — таково было слово на Западе. И это было отчасти справедливо.

Велик ли Сталин? Да, велик.

Не случайно он 29 лет (без малого 30) руководил самой могучей политической партией и самым быстро растущим, самым энергичным государственным устройством в мире. Нужно признать за бесспорный факт, что в первую половину своего пребывания у власти Сталин был безусловно необходим, очень полезен, почти гениален. «Сталин — это Ленин сегодня», — с полным правом сказал тогда Барбюс. Сталин произнёс знаменитую присягу на верность ленинизму в январский морозный день 1924 года. Сталин возглавил партию и был её деловым практическим вождём, всё ещё скромным и незаметным. С одной стороны от него видна была блестящая самоуверенная фигура Льва Троцкого, с другой — лисья физиономия Бухарина с высоким лысым лбом на манер Ленина, с ленинской бородкой и в ленинской кепке. Бухарин и Троцкий одно время были гораздо популярнее Сталина, и слава их была старше. Борясь на два фронта — против интеллигентской оппозиции авантюриста Троцкого и против карьеристской деятельности Бухарина, направленной лично против Сталина и против диктатуры, Сталин был славен и велик. Он провёл Россию через НЭП и через индустриализацию, он был настоящим отцом коллективизации, и Сталин в эпоху строительства колхозов наиболее велик. Я преклоняюсь перед Сталиным начала тридцатых годов, когда он возглавляет знаменитую революцию сверху. Ленин совершил Октябрьскую

революцию, Сталин — аграрную революцию. Он проявил тогда ум, волю, такт и необходимую суровость. Он был велик, велик ещё потому, что рядом с ним стояли Киров, Жданов, Калинин, Серго Орджоникидзе и другие замечательные люди равные ему по авторитету и значению. Если бы Сталин тогда внезапно умер, он был бы заменён точно таким же деятелем.

Что было далее?

Далее — обострение борьбы в партии и стране, авантюристическая, бесчестная деятельность оппозиции, идеологическим вождём которой был такой незаурядный политик как Бухарин. Бухарин снисходительно согласился стать вождём проектируемой ново-советской державы. Последовали громкие процессы и смертные приговоры. Но этого оказалось мало. Кроме Бухарина другой политик интересовался Россией, — Адольф Гитлер. Немецкая агентура переплелась с троцкистско-бухаринским блоком. В последнем процессе фигурировало имя наркома внутренних дел Ягоды. Его разоблачил его подчинённый Ежов. Эта ситуация говорила о страшной угрозе всему режиму со стороны «пятой колонны». Враги диктатуры, враги Сталина и его друзей проникли в Кремль. Это они убили в Ленинграде Кирова, они нарочито неверным лечением умертвили Максима Горького. Государственные интересы совпали с личными страстями (а они у Сталина были, это несомненно). Понадобилась кровавая трагедия, год жесточайшего террора, 1937-й год.

«Тридцать седьмой год» — это звучит для нашего уха примерно так, как по-французски «quatre-vingt-treize», но девяносто третьим должно гордиться, а у нас «тридцать седьмой год» звучит как мрачное и отвратительное воспоминание. Наркомом внутренних дел стал Ежов. Этот Сен-Жюст оказался всего лишь Фукье-Тенвилем. Он применил для борьбы с пятой колонной старую (впрочем, не слишком старую) систему массовых арестов и общественных доносов. Эту систему (хватать по малейшему подозрению, карать за малейший проступок) позже Александр Фадеев в романе «Молодая гвардия» назвал «частым бреднем». В этот частый бредень Ежова попали тысячи, десятки тысяч, стони тысяч людей; для подавляющего большинства их кара была несоразмерно велика относительно их преступления. Те, кто были расстреляны, были расстреляны справедливо; но суды в огромных количествах, на основании всеобъемлющих пунктов 58-й статьи, пекли приговоры — 10 лет исправительных работ, 10 лет, 10 лет... В Сибирь потянулись поезда, набитые осуждёнными. В одном из поездов ехал и мой отец. (Но, впрочем, это мелочь). Через несколько лет на диких берегах Охотского моря, на самом краю ойкумены, «вырос молодой социалистический город» Магадан. В бухте Ногаево, где раньше только медведи ловили рыбу

и сосали свою лапы, руки ссыльных построили Магадан. Теперь он процветает.¹ Это хорошо, мы должны, наконец, колонизировать Сибирь.

Но Ежов перегнул палку. Печать всего мира злорадно вопила о терроре в СССР. Народ дрожал от ужаса. Слезы жён и детей, лишённых мужей и отцов, не заслуживших наказание, лились слишком явно. Во всём мире кричали, что новая советская Конституция — ширма для прикрытия ужасов Коминтерна. В это время шли выборы в Верховный Совет СССР, и наша пресса напечатала фото, где трое-четверо людей в штатском платье и мундирах опускали бюллетени в избирательные урны. Это голосовали Сталин, Ворошилов и «сталинский нарком Ежов». (Снова эпитет «сталинский»).

Вскоре (в январе 1938 г.) сама партия в лице своих руководителей указала на перегибы в работе НКВД и постановила их исправить. Часть жертв «ежовщины» вернулась к орошённым слезами очагам, но велика ли была эта часть — я не знаю и не поручусь. В последующие годы постепенно возвращались остальные, но многие так и не вернулись.

Ежов был снят со своего поста. Ему на смену пришёл другой «катон», другой Фукие — Лаврентий Берия.

Кумир Грузии, близкий к Сталину человек, Берия сделал министерство внутренних дел тем, чем оно было до 1953 года — верховным исполнительным органом страны.

Тысяча девятьсот тридцать седьмой год — историческая неизбежность. Он был необходим. Но не таким, каков он был. В 37 г. была совершена несправедливость. Нужно управлять страхом и любовью; в 1937 г. политика устрашения заняла ведущее место. Политика принуждения была необходима Сталин объявил осадное положение в одно время с провозглашением Конституции. Он не ошибся, мировая война была близка. Но осадное положение началось неудачно.

Прежде всего, тридцать седьмой год не достиг цели: пятая колонна была лишь ранена, но не уничтожена. В 1941 году она проявила себя с утроенной силой и, быть может, ежовский террор увеличил число недовольных, число врагов советской власти.

Итак, тридцать седьмой год был нужен, но не справедлив. Верховную ответственность за него несёт наш Сталин.

¹После амнистии я слышал песенку на мотив «Старик и Смерть» («Где в горах орлы да ветер», из репертуара Вл. Канделаки):

Магадан — эх, те же Сочи!
Нани-на, нани-на.
Солнце светит, но не очень,
Нани-на, нани-на.
Там живут одни медведи,
Нани-на, нани-на.
Скоро мы туда поедem, дели ваве-ла!
Мы найдём месторожденье, нани-на, нани-на,
Всем людям на удивленье, нани-на, нани-на,
Нам дадут лауреата, нани, нани-на,
Загребём деньгу лопатой,
Дели ваве-ла!

Со своей огромной трудоспособностью он вникал во всё, он должен был всё знать. Он знал, а что он сделал для исправления зла?

Он провозгласил, что «сын за отца не отвечает». Дети «врагов народа» («Ich bin der Sohn eines Volkesfeindes») не ответственны за преступления отцов. Разумно. До 1945 г., примерно, поступали соответственно этому заявлению. А в 1952 году, например, уже давно установленным считалось ограничение приёма таких лиц в высшие учебные заведения и на производство.

Я устал от этих воспоминаний. Глупо и пошло на могиле великого человека писать список его ошибок и его промахов. Но не могу ещё не вспомнить пакт с Гитлером.

Я помню, когда я был маленьким ребёнком, я смотрел в уфимском кинематографе «Октябрь» документальную хронику. Тогда это называлось «Союзкиножурнал». Отчётливо помню: Молотов приезжает в Берлин, в честь него выстроен почётный караул в стальных шлемах, винтовки на руку; Молотов пожимает руку человеку в очках (Риббентроп, я теперь так думаю); подписывают договор. Кажется, в кино был и Гитлер. От этого воспоминания сердце обливается кровью.

Говорили, что пакт был заключён из трезвого расчёта на неизбежность войны, с целью выиграть передышку. Что-то непохоже. Правда, по-моему, проще: это был Мюнхен с Востока. Гитлер явно нацеливался на выкормившую его Европу: злое дитя намеревалось укунить грудь матери. Наши руководители пошли ему навстречу, когда он предложил нам пакт о ненападении. Наше правительство растерялось и обрадовалось: разбить Запад и фашизм их же руками. Это было бы чудесно. Сталин не думал, что Гитлер возьмётся покорять сразу весь мир.

Поэтому мы заключили договор с Гитлером, мы повезли в Германию хлеб и масло. До Сталинградской операции немецкие самолёты, бомбившие советские города, заправлялись бензином, сделанным из бакинской нефти 1939–1941 годов.

Страшная ошибка.

Война свалилась очень внезапно. В это действительно кровавое воскресенье 22 июня, когда ночью бомбили Киев и др[угие] города, все лётчики были отпущены на отдых. Говорят, что благодаря этим предательским увольнениям в первый день войны с наших военных аэродромов не поднялся ни один самолёт.

О, как это было тяжело! 22 июня по радио выступил Молотов, Сталин заговорил только 3 июля. Он чувствовал свою ошибку.

И как же он стал работать! С каким героическим упорством он начал исправлять свою ошибку. Песни ещё до войны, стихи поэтов, романы говорили об окошке Кремля, где никогда не угасает свет. «Сталин думает о нас». Теперь это было вполне верно. Он спал четыре часа в сутки, он отдал весь свой опыт и всё своё здоровье для победы Союза.

Великая Отечественная война — это тоже слава Сталина. Недаром воины умирали в боях «за Родину и за Сталина».

Победа гигантски увеличила престиж России, политический вес правительства Сталина и значение его личности. Павленко правильно описывал в романе «Счастье», что в фигуре Сталина появилось новое величие. Он располнел, хотя лицом не изменился, только прибавилось седины.

Но в действительности война очень состарила его, подточила некогда железное здоровье, и он не мог далее оставаться в гуще работы, как прежде. Через несколько лет, пережив смерть Калинина и Жданова, он фактически передал всю работу в руки молодого Георгия Маленкова, избранного в ЦК на XVIII-м партсъезде. Говорят, что Маленков — племянник Ленина.

Но властная воля Сталина, человека железной диктатуры, наученного горьким опытом большой политики, накладывала свою жёсткую печать на жизнь страны. Условия изменились, политический курс не изменился. Только национальное бедствие 5 марта позволило повести более гибкую и более жизненную политику, выдвинуло более молодые силы.

На полсекунды споткнулось новое правительство об зловредную кочку, приросшую к имени Сталина. Берия, которого считают организатором многолетней кампании фимиамы и лести вокруг Сталина, его крикливого восхваления, Берия — «вождь советской политической полиции» — оказался олицетворением отживших и в корне порочных методов внутрисоветского массового террора. Он, давший о себе знать уже после войны арестами и новыми расстрелами, он, чудовищное порождение всех ошибок и слабостей эпохи, которую Эйзенхауэр назвал «небывалым тридцатилетним правлением Иосифа Сталина», этот негодяй Берия был сметён первыми же шагами нового правительства.

У него нашли заготовленное обращение к народу по радио, с известием, что Маленков, Молотов, Каганович (?) и прочие — враги народа.

О заговоре донёс опальный маршал Жуков, которого Сталин сослал в Уральский военный округ и которому Берия предлагал портфель в своём будущем кабинете.

Сталин велик, но его значение чрезмерно выпячивалось при жизни и преуменьшается теперь. Хотят забыть о том, кого при жизни провозглашали всемирным гением. 22 января прежде все официальные речи и статьи подчёркивали, что Ленин — только основатель, ныне же, в годовщину смерти Сталина, все указывают, что Сталин — только продолжатель.

Воскресенье, 7 марта, всюду ещё висели траурные флаги, а под ними, празднуя праздник женщин, разгуливали подвыпившие гуляки и пели пьяные бабы. Годовщина смерти прошла незаметно.

Народ неодобрительно относится к попыткам набросить густую тень на недавнее прошлое. Мы все, весь Союз, радостно приветствуем каждый шаг Маленкова, но мы никогда не забудем суровую фигуру Сталина, величайшего международного деятеля первой половины 20 века.

Это необыкновенно цельная и яркая личность — шинель, фуражка, усы, трубка и глаза, взгляд которых наше поколение уже не забудет. Глаза, у которых мгновенно собирались

ласковые морщинки, когда он обнимал детей. В 1952 г. его обнимала Вера Кондакова. Это было последний раз. Он любил детей.

Сталин — это был символ эпохи, плоха ли, хороша ли она была, но это была, но это была наша жизнь, светлая, страшная и великая, наша коллективизация, пятилетки, война и победа.

Мы и правительство Маленкова вышли из этой эпохи, мы её естественное продолжение. Сталин — наше вчера.

Вечно будем помнить славное прошлое.

<Заметки на обложке тетради под фотографией И. В. Сталина>

дип[ломатический] корпус — оперетта

«Журавли», парк Кошка

Галстуки

Жереховские хлопцы

Берия Маленков

книги Магадан

Рора писания

Роза Берлинск[ое] совещание

Весна и лето 1954.

Осень 1954.

(По ноябрь).

Р. Назиров

9 марта 1954 г. Вторник. Кончилась морозная зима, наступила весна, весёлая и голубая. Всюду тает снег, улицы стали грязны, местами уже показалась уфимская глина. Я сижу в 14-й аудитории спиной к окну, и на первой же лекции застеклённая дверь напротив меня начинает сиять, отражая восходящее солнце. Я на мгновение оборачиваюсь и вижу белый шар, который медленно отцепляется от крыш домов. Прямо между мной и солнцем торчит заводская труба; её дым на солнце приобретает красноватый оттенок. Солнце поднимается всё выше и сильно нагревает мою чёрную куртку. Небо безоблачно, и слышны птичьи голоса. Под их звуки я кропаю прескверные стишки. Лектора обычно я не слушаю.

Весна. Девушки начинают всё больше заигрывать и шутить, чувствуют близость тёплых дней и Первомайского праздника, когда они наденут светлые платья и белые носочки.

Мне нравится Аврора Рябинина, из юркиной группы. Девушка неплохо сложена и неглупа. У неё есть своеобразное обаяние, она очень привлекает. Мы с ней на короткой ноге. Иногда мне хочется поцеловать её тут же, во время танца: ведь она не успеет отодвинуться. Но это глупо, это мальчишество.

Красивые девушки никогда не переводятся, только мы сами стареем. А Эльвира в Москве?

15 марта. Завтра играется первая партия матча Смыслов — Ботвинник. Кто будет чемпионом мира? В эту зиму нашему спорту повезло. Наши выиграли мировое первенство по конькам и лыжам. Наши обыграли со счётом 7:2 канадских хоккеистов (а Канада —

родина хоккея). В этой игре Всеволода Боброва «стерегли» двое канадцев. Он объявлен лучшим нападающим сезона и получил золотые настольные часы. Итак, мы чемпионы по канадскому хоккею. Первенство мира по шахматам оспаривается между двумя нашими гроссмейстерами.

[Когда наши вожди арестовали Берию, в Грузию были направлены крупные вооружённые силы. После его расстрела в Грузии многие носили траур. Видимо, его влияние в Грузии было действительно велико.]

В апреле соберётся Женевское совещание с участием Китая, который перешёл от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Начинается китайская индустриализация. Через 10 лет (к 1965 году) красный блок будет главенствовать в мировой политике.

Черчилль в период Берлинского совещания высказался в одной и той же речи за перевооружение Германии и за торговлю в СССР. Торговля с нами — якорь спасения для британской экономики.

Когда в ООН обсуждали вопрос о Триесте, наш представитель предложил вывести войска из зоны Триеста и назначить туда губернатора. Запад отверг это предложение. В Белграде произошла демонстрация протеста; Тито дал разрешение на демонстрацию. Толпа, неся плакаты о Триесте, прошла мимо советского посольства, кричала «Живио» в честь нашего Союза, приветствовала советского посла; потом демонстрация прошла под окнами американского посольства и выбила все стёкла.

1 марта с[его] г[ода] нормальная работа американских законодателей в Капитолии была нарушена. Когда палата представителей собиралась приступить к своим обычным делам, с галереи для публики раздались выстрелы и возгласы: «Свободу Пуэрто-Рико!» Затем над галлереей взвился пуэрто-риканский флаг. Это стреляли из автоматических пистолетов пуэрториканцы: три мужчины и одна женщина. Они ранили нескольких конгрессменов. Этим актом отчаяния они снова хотели обратить внимание на свою порабощённую родину.

Недавно я смотрел старый довоенный кинофильм «Котовский». Это наивная, но увлекательная картина. В 1909 году Григорий Иваныч Котовский, агроном одного бессарабского помещика, возмущённый смертью крестьянина, засечённого господином до смерти, становится на путь самого бурного социального протеста. «Разбойник» Котовский становится грозой бессарабских помещиков: со своими молодцами он носится по стране на быстрых бричках и конях, врывается среди бела дня в дворянские замки, грабит господ, отнимает деньги, векселя, долговые расписки крестьян и поджигает усадьбы. Он отдаёт долговые расписки крестьянам, которые их разрывают. Имя Котовского окружено легендами; крестьяне его боготворят. Весь Юг гремит его подвигами, его славой; газеты печатают портреты неуловимого атамана, например, в «Одесском листке» — «Разбойникъ Котовскій». Всюду у него свои люди, полицию он подкупает — у него куча денег. Он совершает романтический побег из здания суда, прямо из зала, где слушалось его дело.

Замечателен эпизод в тюрьме, где артист Крючков играет одесского жулика — а шикар-ной паре, шляпе, с чёрной повязкой на глазу, играющего в очко. «Витенька, в камере был шум? Кто-то что-то сказал? Или мне показалось?» — «Вам показалось.» Но через минуту Котовский вновь подаёт голос, и Крючков-уркаган кладёт карты: «Нет, мне не показалось. Этому молодому человеку просто надоело жить. Но мы ему поможем.» Нетвёрдой, манер-ной походочкой он направляется к Котовскому, становится перед ним, разглядывает и вы-нимает из нагрудного кармана финский нож. За ним по-волчьи тянутся другие бандиты, его подчинённые. Крючков вытирает губы рукояткой ножа, обвёрнутой в платочек. Котов-ский одним ударом швыряет его на пол. Минута оцепенения. Вдруг один из заключённых сходит с нар, хохоча, ходит к Котовскому, радуясь посрамлению бандюги, и вдруг узна-ёт: «Да это же Котовский!» — «Котовский!» — растерянным полуголосом вторят бандиты. Крючков делает им повелительный жест: «Прочь!» Он добавляет к этому жесту вырази-тельное словцо: «На пальчиках!» (т.е. на цыпочках). Потом, согнувшись и откинув шляпу, улыбается Котовскому: «Извиняюсь!» И тихо уходит.

В фильме показывается Одесса 1918 года, полная аферистов и спекулянтов. В шикар-ном ресторане размалёванная проститутка томно строит глазки посетителю: «Котик!» Кто-то сообщает, что Одесса будет сделана вольным городом, и финансисты пьют за светлое будущее Одессы. Танцуют знаменитое «танго смерти»: артист с ножом в зубах, артистка — выгибающаяся, тонкая, соблазнительно одетая. Они то сходятся, то расходятся; делают чудовищные рывки и страшные жесты; танго кончается тем, что артист вынимает изо рта нож и закалывает неверную. Бешеные аплодисменты. Танго смерти танцевали тогда всюду; поэтому у нас танго называли «танец умирания буржуазной культуры».

Потом на эстраду, волоча ноги, выплывает Вертинский с огромной белой розой в петлице фрака (белая роза — символ смерти) и поёт, жеманно грассируя, в изломанной позе *d'un vrai incroyable de 1798*, песенку о маленькой нищей безноженьке, которая просит боженьку, добренького боженьку приставить ей ножки в сне.

Много ещё интересного, но некогда.

20 марта. Ну, и весна! Метёт снежный буран.

Вчера в Кремле открылся двенадцатый съезд комсомола.

Вчера вечером прочёл в журнале «Театр» (1954 г., № 2) прекрасную вещь — драму Зори-на «Гости». Очень талантливо, хотя, к сожалению, недокручено. Но Зорин, надо надеяться, будет ещё писать. Это второй талантливый драматург, заявивший о себе в последнее время. Минко и Зорин — начало очень хорошее. Итак, вот молодое поколение талантов — Сергей Смирнов, Вера Панова, Сергей Антонов, Минко, Зорин. Наметилась новая струя в нашем искусстве. К этой группе примыкают сверху Симонов и Василий Гроссман. Что-то сильное, свежее, горячее видно в «Сердце друга» Казакевича, в «Товарищах по оружию» Симонова, в гроссмановском «За правое дело». В них есть общие черты, эти черты — искренность. Та сердечная правда, которую едва не выветрили из русской литературы писатели типа Бубен-

нова, Павленко и др[угих]. Не говоря уже об этой сволочи Панфёрове с его отвратительной Толчёновой и невежественной, пошлой Мариэттой Шагинян.

Правда победит, как сказал Ян Гус. Панфёров, Шагинян и прочие неминуемо попадут в мусорную корзину истории, где они смогут безнаказанно предаваться свальному греху и лизать зад друг другу.

Михаил Шолохов скоро издаст вторую книгу «Поднятой целины». Я жду и боюсь этого события. Мы все ждём этой книги. Судя по отрывку, помещённому в «Литературной газете», вторая книга много слабее первой. Я видел в газете портрет Шолохова. Он постарел, усы, мешки под глазами, типичный казак. Слышно было, что он изрядно пил у себя в Вешенской. Да что Шолохов! Александр Фадеев и ряд других писателей лечились в Кремлёвской больнице от запоя. Шолохов ещё не дошёл до этого. Пьёт и Твардовский, великий русский акын последней эпохи.

Наша литература пережила жесточайший кризис в 1945–1952 годах. Теперь мы выходим из него обновлённые и помолодевшие. Снова зазвонит по всей земле новая слава. Наши пишут, работают, учатся. Дайте только срок, будет у нас и свой Достоевский, и свой Лев Толстой! Не будет только Пушкина. Пушкин в двадцатом веке уже появлялся, расколотый на две противоположности, на две полярно различные жизни: Есенин и Маяковский.

21 марта. Воскресенье.

Дорого бы заплатил я тому человеку, который объяснил бы мне, что сейчас происходит с русским народом и особенно с русской молодёжью.

Почему разложение, алкоголизм и преступность захватывает всё большую часть молодёжи? Откуда этот бездумный гедонизм, распущенность нравов, презрение к «условностям», дэндизм на одном полюсе и бандитская романтика на другом, — причём эти крайности соприкасаются и хулиган сегодня носит модный галстук и шикарную шляпу? Почему? Откуда?

Фактов — множество. Наиболее ярко это проявляется в столице. В прошлом году журнал «Смена» напечатал прекрасный рассказ — очерк, описывающий, как молодой рабочий подмосковного завода втягивается в нечистую жизнь профессионального игрока. На станции перед Москвой, когда отгудели гудки дневной смены, в вагон врывается прилично одетый молодой человек и быстро занимает четыре-пять мест, раскладывая на скамейках папиросную коробку, клетчатую кепку, белое шёлковое кашне. В вагон (это пригородный поезд) входят рабочие завода, молодые ребята, знакомые юноши в кепки. Он приглашает их на занятые им места. Вскоре из его кармана появляется колода карт, и он предлагает сыграть. Некоторые из ребят — его должники, но он великодушен, играет с ними на слово. На скамье шелестят карты, и крепкие замасленные руки рабочих встречаются с белой мягкой рукой игрока.

Он умён, приветлив, остёр на язык, приятен лицом. Когда частые проигрыши отягощают совесть его партнёров, везущих матерям получку, он советует ребятам «взять двести грамм

с прицепом», и, послушные его совету, молодые рабочие выбегают на минутной остановке к киоску, бросают деньги продавцу, и автомат отмеряет им водку.

Идёт игра в вагоне пригородного поезда. Юноша в клетчатой кепке постоянно ездит в этом поезде, чтобы играть в карты с молодыми рабочими. Это его ремесло. Иногда для виду он проигрывает и тогда с честнейшим видом — закон игры свят, проиграл — плати — отдаёт счастливцу сложенную сторублёвку. Но чаще он выигрывает. И вот один из молодых рабочих, герой рассказа, проигравший юноше в кепке половину получки, видит, как из рукава игрока выпадают две карты. Он бросает в лицо игроку гневное обвинение. Тот хищно настораживается. . . но до ссоры не доходит. Молодой рабочий выходит на площадку.

Идёт игра. Кондуктор, то бишь проводник, спокойно проходит мимо, словно не замечает. Пассажиры сторонятся и не затрагивают картёжников. Старушка, которой не осталось места, безнадежно стоит около них. Молодые люди, с расширенными глазами, с возбуждёнными лицами, играют, не переставая.

Молодой рабочий, сойдя с поезда, встречает своего комсорга. Он хочет посоветоваться с ним, рассказать о своём горе, но комсорг сухо прерывает его официальной нотацией.

И оставшись один, молодой рабочий глубоко задумывается. К чему страдать и трудиться, отдавать матери на хозяйство всю свою невеликую получку, когда перед его глазами пример такой лёгкой и беззаботной жизни? Не лучше ли последовать примеру игрока? Можно ещё помириться с ним, он даже даст ещё взаймы — в этом нет сомнения; они могут стать друзьями. Понятие «честности» сделалось ведь очень относительным.

Примерно так заканчивается этот пессимистический рассказ. Так поворачивается сейчас время. Так изменяется рисунок жизни.

Много данных об этом веянии жизни даёт мне маленький газетный листок — «Горняцкая правда». «Горняцкая правда» — орган Ленинградского горного института. В её номере от 24 февраля 1954 г. напечатана статья члена комсомитета «Нетерпимо относиться к каждому аморальному поступку». Её стоило бы привести целиком, но некогда. Сделаю выдержки из неё:

«В ночь с 31 дек[абря] на 1 янв[аря], во время встречи Нового года, студенты-комсомольцы Емелин, Песков, Новосёлов, Сидорчук, Долтобаев (III курс геологоразведочного факультета), Исафилов (IV курс горного факультета) и Баранов (V курс геологоразведочного факультета) устроили безобразную пьянку в общежитии, закончившуюся дракой.

На новогоднем вечере в институте выделенный для дежурства на вечере студент-комсомолец Лебедев (I курс ГЭМФа), напившись пьяным, учинил дикую драку с дежурными.

На том же вечере студент-комсомолец Докунихин (III курс горного факультета), будучи пьяным, разбил стекло у главного входа и, когда был приведён дежурными в кабинет, разломал кресло, разбил на столе стекло и пытался выброситься в окно.

В ночь с 9 на 10 января кандидат в члены КПСС студент Сывороткин (IV курс горного факультета) и студент-дипломант комсомолец Илюхин (горный факультет) пьянствовали

в коридоре общежития, дебоширили, сквернословили, ломались в двери комнат, приставали к девушкам.

24 января в ресторане «Москва» студент-комсомолец Суходольский (II курс нефтяного факультета) устроил скандал и драку с одним из своих товарищей, бросил в него тарелку и столовый нож.

7 февраля на вечере в институте студенты-комсомольцы Минин и Механиков (II курс геофизического факультета), чьё недостойное поведение уже отмечалось в «Горняцкой правде», обманным путём проникнув на вечер, напились, по-хулигански вели себя, толкались среди танцующих.

На днях студент-комсомолец Соболев (IV курс нефтяного факультета), ранее обокравший своего отца, бездушно, по-барски относящийся к своей жене, в столовой «Северная», напившись пьяным, избил офицера.

Это факты. И даже не все.»

Ниже приводится в этой же статье ещё один живописнейший факт. Первокурсник Фоменко с нефтяного факультета, отвергнутый девушкой, написал ей с чувством уязвлённого самолюбия: «... после расставания с тобой я получил полное удовлетворение: малость выпил и немного подрался. Попались какие-то два курсанта из училища... и один остался лежать с распоротым животом, про другого мало помню, знаю, что у него расплющился нос, и только. Я же получил по затылку бляхой и нож под ребро, справа. Дрался, говоря почестному, как настоящий горняк, и теперь я имею право быть им». Это письмо само по себе отвратительно своей пошлостью. Но пошлость эта сугубая: никакой драки у Фоменко не было. Он всё выдумал, кроме выпивки. Навсегда расставаясь с девушкой, он решил уйти «гордо» — представить себя в «лучшем» виде.

Конечно, этот буйный институт, где на вечер протаскивают под полой бутылку водки, чтобы выпить ей в столовой, под лестницей или в уборной, где дерутся, просто ради горняцких традиций, это не везде так, это не закон, но подобная зараза распространяется.

В драме «Гости» Леонида Зорина выведены представители новой советской буржуазии. Так я склонен называть широкий слой высоко оплачиваемой бюрократии, молодёжь которой ведёт паразитический образ жизни, заражая им другие группы населения. У Леонида Зорина в этой драме одна из женщин, Варвара, тоже говорит о своём подлеце-брате и его разжиревшей семье: «Господи, до чего ненавижу буржуев...»

В драме выведен очень колоритный юноша, московский студент Тёма из упомянутой семьи. Его образ напоминает Поэму Карповну из комедии Минко «Не называя фамилий».

Тёма — желторотый юнец, типичный московский дэнди 1953 года. Он приехал в гости к деду с девушкой, которую считает своей невестой. Вот он говорит: «Надоели папиросы. Надо будет завести трубку». Сразу вскрывается круг его интересов: выпивка, автомобильные прогулки, дача. О Москве и о себе говорит уничижительно: «В нашей деревеньке народ тихий». «Я нищий студент. Скромный питомец Института международных сношений». Или диалог со старшим братом:

«Наши сегодня на привале легли отдыхать, а мы с Николаем говоря между нами, грандиозно надрались. Как он потом машину вёл, не представляю». Сергей: «С Колей? Он мужик неплохой. Лентяй только. (Зевнув). Шут с ним. Я, знаешь, сам прилично вожу, только прав не имею».

Во втором акте Тёма слушает по радио спортивный репортаж. Тёма. . . «Матч кончился. Результат закономерный. Ноль-ноль. Никто не умеет бить по воротам». Далее:

«Всё-таки скучаю по Москве. Сейчас пустеет северная трибуна. Всё расходятся. Кого только не увидишь! Весь цвет столицы. Огни уже зажглись — улица Горького шумит. Мы с Никой в этот час обычно идём на «Крышу» в рассуждении пломбира и всего прочего».

Затем:

«Розовый мускат очень хорош к пломбиру».

Отец Тёмы говорит:

«Он у нас ресторанный завсегдатай. Если случается ужинать вместе, он заказывает. Мастер. Его, по-моему, все метрдотели знают».

Но Тёма внешне культурен: когда Ника поёт, он аккомпанирует ей на рояле.

Вот Тёма разговаривает с Никой.

«Накануне отъезда наша компания собралась в коктейль-холле, мы устроили там мальчишник, и Женя Мясников, знаешь, сын этого. . . »

Ника.

«Знаю».

Тёма.

«Когда он узнал, что мы едем вместе, он поднял рюмку с тараном — отличная жидкость, между прочим, — и сказал: «Милорды, выпьем за бедного Артемия, который бросается в пасть к тигрице». И все выпили со слезами на глазах. Как видишь, в тебе никто не обманывается».

Очень характерно, как Тёма говорит отцу:

«Не улещивай. Машина-то будет у меня?»

Подобные типы есть и у нас, в Уфе. Случаются и у нас пьяные дебоши, драки в ресторанах, развратные приключения.

Но всё же масса молодёжи — в основном здоровая. Хотя очень распространяется всё это разложение, вся эта плесень. Что причиной этому, не знаю. Быть может, своеобразие атомного века, влияние военной угрозы, сознание непрочности мира и желание взять от жизни всё. Быть может, расцвет буржуазного индивидуализма, которому способствует официальный запрет произведений Зоценко, отчасти Есенина, Ильфа и Петрова. С подобными произведениями нужно бороться фиолетовыми чернилами, а не красными — художественной полемикой в беллетристике, а не цензурными запретами. Но, впрочем, это мелкая деталь. Главное, пожалуй — создание слоя полупаразитической интеллигенции, неправильное распределение заработной платы, обогащение города за счёт деревни. Сейчас Георгий Мален-

ков начал перестраивать нашу экономическую систему. Надо ожидать больших изменений в городах.

Плесень — явление временное и кратковременное.

Между прочим: Ботвинник выиграл у Смыслова две партии и сделал одну ничью. Я болею за Ботвинника. Все болеют за Смыслова.

17 июня 1954. Четверг.

Давненько не брался я за эту тетрадку. Много воды утекло за эти три месяца. Наконец, отрыл её вновь в моих залежах бумаг, записей, тетрадей, сочинений. Когда я веду дневник, я держу пульс времени.

Начну с того, чем кончил предыдущую запись. Ботвинник и Смыслов сыграли 12:12. По условиям матча, Ботвинник сохраняет за собой звание чемпиона мира (Champion of World, так, что ли? Я теперь изучаю *englisch*). Ботвинник — чемпион мира, *der Weltmeister*, *quod erat demonstrandum*. Вся Россия отчаянно болела за претендента (свой, русский, не какой-нибудь Бронштейн). «Выигрыш» Ботвинника страшно разочаровал массу публики. Было пущено словцо: «Нет победителя, но есть чемпион мира». (Как и в 1951 г.). Или более мягкий вариант (радиообозреватели): «Есть чемпион мира, но нет побеждённого». Сало Флор, постоянный репортёр по шахматам в журнале «Огонёк», постарался успокоить болельщиков: «Не всё ли равно, где живёт чемпион мира, на Первой Мещанской улице или на улице Левитана? И та и другая в Москве!»

Теперь Ботвинник может отдыхать до 1957 года, когда его наверняка побьёт кто-нибудь из молодых.

Сейчас жаркое лето, голубое небо с тонкими кучерявыми барашками, петушьи крики вдали и погромыхивание досок.

Какая всё-таки провинция наша Уфа! Роятся мухи, где-то бьёт молот или топор — не пойму, слышны голоса. Час дня. Пропать комаров в этом году. Такова обстановка.

Что было заметного в эти три месяца?

Женевское совещание не оправдало надежд, которых на него возлагали. Оно хорошо началось, но плохо кончается. В ходе этого совещания вьетнамские республиканцы взяли штурмом важную французскую крепость Дьен-Бьен-Фу. Французский премьер Лангелль объявил трёхдневный траур, закрыл театры, чтобы тем самым воспрепятствовать выступлениям советского балета, приехавшего в Париж в ответ на гастроли *Comédie-Française* в Москве. Характер этого «национального» траура разоблачил Жан-Поль Сартр, с которым у нас сейчас завязались совсем неплохие отношения. Он писал в парижской газете «Либерасьон»:

«Действуя мудро, правительство придаёт траурным церемониям локальный характер: вы могли танцевать всю ночь в ночных кабачках на Монмартре или в Серкль милитер [офицерский клуб в Париже], где в этот вечер давался бал; вы могли лорнировать голых красоток в Фоли-Бержер, вернуться домой пьяным или в весёлой компании. Вы не оскорбляли траура Франции. Но зато вы нанесли бы наглое оскорбление защитникам

Дьен-Бьен-Фу, если бы отправились смотреть «Сида» в «Комеди Франсез» или пошли бы на советский балет в «Гранд-Опера».

Сартр кончил свою статью так:

«Ибо в будущем году, г-н Ланьель, Уланова будет танцевать, но вы уже не будете председателем совета министров».

Пророчество Сартра начало осуществляться. Кабинет Ланьеля пал, разрушенный ударами Вьетнама.

Я увидел в кинохронике прибытие четырёх министров в Женеву. Наиболее импозантны Молотов и Антони Идэн. Бидо обладает манерами и осанкой лакея. Даллес — нескладный верзила с размахистыми американскими жестами, гибрид пастора с ковбоем: как он театрально ступает и с преувеличенным радушием поднимает шляпу в своей прямой руке.

Совещание идёт во Дворце Наций. Я читал роман Виктора Маргерита «Вавилон»: там описывается, как строился этот Дворец Наций, когда Лига Наций уже начинала распадаться.

Забавно и очень характерно для нравов американской прессы следующее сообщение, опубликованное одним американским журналистом и с негодующими комментариями перепечатанное в газете «La Suisse»:

«Женева — оккупированный город. Тысячи китайцев и по меньшей мере тысяча двести русских захватили Женеву. По улицам движутся танки и бронетранспортёры с пулемётами. Отели охраняются войсками, а те, в которых помещаются коммунистические делегации, полностью изолированы, поскольку пришлось эвакуировать прилегающие кварталы: магазины, квартиры, конторы — всё опустошено. Больше того, почта подвергается строгой цензуре, невозможно отправить письмо без того, чтобы оно не было вскрыто полицией. . . Женева должна быть вычеркнута из всяких туристических справочников до октября: через Женеву проходит железный занавес».

Вместо Даллеса, вернувшегося в США, в Женеве сейчас представляет Беделл Смит.

Не так давно американцы взорвали на злосчастном атолле Бикини водородную бомбу. Чудовищная сила взрыва произвела впечатление на весь мир. Снова закипела деятельность организаций мира. «Н bombe — no!» — такие плакаты появляются на английских добровольных «sandwich men»'ах.

Большую личную радость я испытал, когда Всемирный Совет Мира присудил премии мира Чарли Чаплину и Дмитрию Шостаковичу. Красиво и волнующе само соединение этих двух громких имён.

Но в то же время глубоко печалит меня медленный и нерешительный характер нашего культурного возрождения.

Наш известный критик Ермилов, про которого я читал колкую эпиграмму:

«Ермилов прав, не уставая повторять,
Что в Щедрине и Гоголе нуждается эпоха.

Но почему ему бы не сказать,
Что без Белинского эпохе тоже плохо?»

— так этот Ермилов выступил в «Правде» с двумя подвалами, в которых благоразумно проводил официальную линию «золотой середины». Он презрительно и точно смахнул с пьедестала дутую величину — Панфёрова, но в то же время он обрушил свои перуны на Леонида Зорина и его драму «Гости». В его критике и в других статьях драма объявляется «порочной», почти антисоветской. Наши-де бюрократы — это пережиток капитализма, а Зорин их изображает как некую советскую буржуазию. Зорин прав. Многие рабочие думают точно так же. Эта советская буржуазия — не пережиток, не «родимое пятно», а порождение недостатков нашей экономической и политической системы. Гусы, подлецы, предатели марксизма те, кто пытается думать и говорить, что наш строй абсолютно хорош. Он весьма ещё не совершенен, и не замазывать нужно его недостатки, а яростно вскрывать, избличать, переделывать — где нужно, так ломать, а где нужно, так отрывать с кровью. Гигантская волна мещанства поднялась и докатилась до Кремля, выплеснув, как ядовитую пену, своего второго Троцкого — Берию. Мещанство разъедает всё. Мещане есть в рядах партии, у них на груди уютно пригрелись красные книжки. Что с ними делать, с мещанами? Резать и душить? Нет, нужно изменить условия, благоприятные для их зарождения. Нужно изменить наш экономический строй.

Зорин прав в своей маленькой и робкой декларации, за которую его так избили.

Сильно раскритикован роман Пановой «Времена года». В нём, действительно, много слабых мест и образов (Юлька, Войнаровский и др.). Но вообще книга очень талантливая.

Зато Панфёрова под маловажным предлогом выкинули из редколлегии журнала «Октябрь». Шагиняны и толчёновы посрамлены. Недавно я увидел под стеклом розничной книгопродавщицы на улице роман-газету с надписью «Волга — матушка река». Увидев гнусное лицо Панфёрова, я испытал неприятное чувство, но успокоил себя тем, что вторая книга скверного романа вряд ли сможет появиться.

Деятели нашего культурного Возрождения — Сергей Антонов и Сергей Смирнов — признаны и почитаемы. Антонов переведён на китайский язык. На стихи Смирнова написана популярная песня:

«Ты обычно всегда в стороне, но глаза твои ясные светятся...»

Симонов выпустил новую книгу стихов о своём странствии за границей, откуда я знаю печатаемое везде прекрасное стихотворение «В гостях у Бернарда Шоу».

Фадеев пьянствует. Дни его сочтены. Близится Всесоюзный съезд писателей. На место Фадеева будет, вероятно, избран Леонид Леонов, роман которого «Русский лес! Широко рекламируется. Говорят, что Фадеев проводит вечера в ресторане на его улице: ночью подъезжает автомобиль, выводят пьяного Фадеева, и секретарь отвозит его домой. Итак, русская водка погубила ещё одного талантливого человека.

Недавно был исключён из ССП романист Вирта. Он вёл жизнь буржуа-стяжателя и превратил свою дачу в настоящее поместье. Грязная мошенническая проделка, которую он со-

вершил над лопухими руководителями сельского комсомола в районе его дачи, привела к опубликованию в «Комсомольской правде» фельетона «За голубым забором», имевшего скандальный успех. Почти в то же время изгнали из партии и из писателей маленькую группу литераторов, запятнавших себя пьяными дебошами или полулегальным развратом (один из них за короткий срок сменил четырёх жён). Типичные представители советской буржуазии в искусстве!

В скульптуре происходит то же самое. Там царит олигархия крупных деятелей, знаменитых стариков. В печати появлялись сведения о том, что эти знаменитые мастера (называли Манизера и, кажется, Меркулова) зажимают молодые таланты, не дают им помещений для работы, хищнически захватывают и аккумулируют в своих руках бесчисленные заказы, реализуя их с помощью «белых арапов», наёмников. Имена этих помощников остаются неизвестными, т.к. на цоколе коллективного произведения высекается одно лишь имя работодателя. Это настоящие художественные фабрики типа ателье Рубенса или романистской артели Дюма-отца. Эти олигархи — типичные советские буржуа. К тому же они крайние консерваторы; они варварски преследуют произведения, чуждые ортодоксальности нашего реализма (очень ограниченного). Так, по слухам, была разломана и пошла на техническое использование большая скульптурная работа Голубкиной (талантливой последовательницы Родена): оставили только голову статуи.

Консерватизм, ограничение свободы творчества стесняют развитие нашей живописи.

Но всё большее и большее число людей проникаются мыслью о необходимости радикальных перемен. Они ещё очень робки, эти люди: режим диктатуры и тайные суды ещё существуют, значит, существуют и злоупотребления, создающие опасность для инакомыслящих. Впрочем, все эти инакомыслящие, в том числе и я, стоят на платформе коммунизма и советской власти. Нужны внутренние реформы, правительство их осуществляет; значит, нужно поддерживать правительство. Крестьяне говорят, что им нужно бога молить за Маленкова.

[Кстати, я подписался на заём 1954 года. Подписка на заём теперь стала совсем не такой, как раньше: элемент морального принуждения почти исчез.]

Ещё о литературе. Шолохов печатает в «Огоньке» вторую книгу «Полнятой целины». Лучше бы он этого не делал. Страшная деградация таланта. Выведена масса новых персонажей, непрерывно следуют самые произвольные эпизоды. Великий русский писатель Шолохов, которого заслуженно приравнивают к Льву Толстому, умер в 1940 году, закончив свой бессмертный «Тихий Дон». Нынешний Шолохов — только призрак того великого писателя.

Однако в каждом номере «Огонька» я с неослабным вниманием читаю продолжение: что ещё скажет этот старик? Быть может, в путанном лепете вставшего в детство писателя блеснёт ещё вещее слово?

Пока не вижу.

3 июля. Жизнь чрезвычайно насыщена событиями. Происходят большие дела. Аграрная революция в Гватемале, заключающаяся в экспроприации и разделе земли американской United fruit Co, видимо полностью подавлена наёмниками этой компании. Интервенцией и правительственным переворотом руководил специалист по таким делам, американский посол Джек Перифуа. Военная хунта вступила в переговоры с вожаком интервентов Кастильо Армасом. Полковник Монсон, пришедший к власти в результате pronunciamiento, запретил профсоюзы, распустил парламент Гватемалы и начал аресты демократических деятелей. Экспроприация земли остановлена. Кастильо Армас согласился считать полковника Монсона президентом Гватемалы в течение 15 дней. В городе Гватемала идут повальные аресты. Военная хунта направляет основной удар против гражданской милиции, созданной правительством президента Арбенса, свергнутого агентами Аллена Даллеса.

Народ Гватемалы (3.800.000 жителей) привык ненавидеть своих властителей из американской фруктовой компании. Теперь эти забытые люди начали разгибаться. В банановой республике завязались совсем нешуточные бои между сторонниками хунты и революционерами. Газета «New York Times» сообщила, что в районе Эскуинтла (около 50 км к югу от города Гватемалы) группы сельскохозяйственных рабочих, руководимые профсоюзным лидером Пельесером, роют окопы и готовятся оказать отпор войскам хунты. В важном гватемальском портовом городе Пуэрто-Барриос идут «ожесточённые бои» (сообщение Франс Пресс). По последним сведениям, полковник Монсон бросил все резервы против отрядов Пельесера. Партизанская война горит и в других районах Гватемалы. Сейчас 10 часов 45 минут по-местному. Передают последние известия. Послушаю радио и запишу новости из Гватемалы.

Ничего не слышно из Гватемалы. Видно, плохи дела. Подождём газет.

Американский миноносец захватил возле острова Тайвань советский танкер «Туапсе» (23 июня).

Женевское совещание заглохло. Министры разъехались. Чжоу Энь-лай прилетел в Дели. На аэродроме его встретил Неру. Индийский военный оркестр играл гимн Китайской народной республики. Чжоу Энь-лаю преподнесли букеты роз и гирлянды из живых цветов. Он пробыл в Дели три дня и опубликовал совместно с Неру дружественное заявление. Подобное же заявление он опубликовал вместе с бирманским премьером У Ну в Рангуне. Важнейшим результатом Женевского совещания был рост престижа Китая.

Вообще акции Азии непрерывно поднимаются, и Советский Союз в сотрудничестве с Индией и в союзе с Китаем образуют сильнейшую в мире коалицию. Несмотря на её неофициальный характер она выглядит прочнее, чем англо-саксонский блок с его Атлантической хартией.

Дней пять тому назад в нашей печати было официально объявлено о пуске в СССР первой в мире промышленной электростанции на атомной энергии. Кажется, её пустили 27 июня, и этот день одна польская или венгерская газета объявила началом новой эры. То же самое заявил профессор Иосио Фудзиоко, японский специалист по ядерной физике. США

и Англия планируют строительство промышленных атомных электростанций, но они будут завершены в 1956 – 1957 годах.

Лондонское радио сообщило, что объединённая комиссия американского конгресса по вопросам атомной энергии одобрила законопроект, разрешающий обмен с союзными нациями секретной информацией касательно исследований атомного ядра и позволяющий частным промышленникам использовать атомную энергию.

Законопроект был одобрен вечером 30 июня, вскоре после того, как в Москве было объявлено о том, что в СССР пущена в эксплуатацию первая в мире атомная силовая станция. Председатель объединённой комиссии конгресса Коул заявил, что он будет настаивать на немедленном одобрении конгрессом законопроекта, учитывая сообщение из Москвы.

Наши объявили тогда, что у нас будут строиться атомные электростанции мощностью от 50 до 100 тысяч киловатт.

Во Вьетнаме французские войска начали эвакуацию южной части дельты Красной реки. Южная часть дельты — важный стратегический и рисопроизводящий район Северного Вьетнама, площадь около 4.000 км², население около 2 млн. человек. Французы с боем отступают в район Ханоя и Хайфон. В Ханое тревожно. Гарнизон приведён в боевую готовность, танки патрулируют улицы города.

Наша шахматная команда выиграла у сильной американской команды 20:12. Сильнее всех играл Бронштейн. В сентябре в Аргентине состоится турнир нации, где будут представлены тридцать или более стран (по 4 игрока от каждой страны). Вот интересно будет посмотреть, кто кого. Сильными врагами будут аргентинцы (большой частью выходцы из Европы), американцы и югославы.

Конец июня стояла страшная жара. Температура превышала 33° в тени. В южных районах Башкирии начала гореть пшеница. Засуха была и на Украине. К своим родным в Харьков ездил один из сотрудников мамы. Он рассказывает, что в Харькове нечем дышать. Продукты очень дороги, настроение подавленное, чуть ли не паническое. Впрочем, сейчас у нас посвежело. Небо в тучах, падают короткие дожди. Быть может, и на Украине стало лучше?

Мы сохнем от жары, а на другой стороне земного шара обратное. В Мексике разлилась Rio Grande del Norte, погибло несколько сот человек, главным образом жители города Пьедрас-Неграс. Наводнение затопило к 1 июля около четвёртой части крупного города Нуэво-Ларедо в штате Тамаулипас. Считают, что 40.000 граждан осталось без крова. Многие жители городов Акуна и Пьедрас-Неграс укрылись на холмах, ожидая помощи.

30 июня произошло полное солнечное затмение. В газете «Правда» оно описывается так:

«Оживлённо было вчера в посёлке Аляты-пристань, в 75 километрах от Баку. На залитой солнцем площадке расположились научные экспедиции Пулковской, Ташкентской, Абастуманской обсерваторий, а также работники Академии наук Азербайджанской ССР.

В 16 часов 36 минут местного времени луна, надвигаясь, начала закрывать солнце. Постепенно землю окутали голубые сумерки, повеяло прохладой. Тёмный диск скрыл жаркие

лучи солнца, и в наступившей темноте засверкала солнечная корона. В небе появились звёзды, на нефтяных вышках зажглись огни. Но вот прошло около полутора минут, и вновь из-за чуть приоткрытого диска полился ослепительный солнечный свет. Благоприятная погода позволила астрономам успешно осуществить программу научных наблюдений полного затмения.

На площадке Пулковской обсерватории, под Ленинградом, как только началось солнечное затмение, группа учёных приступила к фотографированию этого интересного явления. Съёмки велись крупнейшим в Европе солнечным телескопом системы лауреата Сталинской премии Н. Г. Пономарёва. Удалось сделать крупные снимки профиля края луны».

В Уфе затмение было неполное. Я возвращался в седьмом часу вечера с реки, два раза брал у сидевших на солнце людей копчёные стёкла и посматривал. Неполное затмение почти незаметно, только тени становятся менее резкими, слабеет жар лучей.

Недавно я прочитал «Гроздь гнева» Джона Стейнбека. При всём мистицизме автора, особенно проявляющемся в окончании романа, это очень сильная книга. Суровый и грубый реализм. Книга действительно возбуждает гнев, зуд в кулаках, мечту стрелять в этих сволочей, угнетающих американцев, в шерифских понятых и полисменов, в банкиров и виджиянтов. Особенно эти виджиянты, линчеватели, взбесившиеся от страха собственники, их бы я резал своими руками.

[В Америке «Джоуды» — стало нарицательным именем разорённых фермеров. Сейчас процесс продолжается. Лето 1953 г., принесённые им стихийные бедствия, сильно умножили число Джоудов. Гроздь гнева растут, вот где зародыш американской революции.]

Вчера мы с товарищем, Юркой Поройковым, перебрались через забор сада имени Луначарского и в летнем театре смотрели водевиль Дыховичного «Свадебное путешествие», постановка Куйбышевского ТЮЗа (на гастролях в Уфе). Водевиль хорошо рисует облик и повадки московской студенческой молодёжи (хотя герои — аспиранты). Сильная сатира на сверхмодные танцы (так называемые «стильные»). «Профессор, танцуете вы стилем?» И два весёлых аспиранта, которые разыгрывают из себя «стиляг» — развратников и алкоголиков, откалывают залихватские буги-вуги, с самыми дикими фигурами.

Зрительный зал восторженно аплодирует. Стильные танцы клеймит сатирическая литература, но вся молодёжь в центре их танцует (буги-вуги, суперфокстрот и т.д.). Даже в новом варианте бесконечной блатной песни «Гоп со смыком» есть строки:

«... а потом сидим в отеле, пляшем ультрафокс под барабан».

Все нездоровые явления среди молодёжи объясняются её малой занятостью. У нас сейчас наблюдается «перепроизводство умов», как говорят на Западе. Вузы не вмещают выпускников школ. В этом году 40 % выпускников попадут в вузы. Сто тысяч десятиклассников будут приняты в техникумы. Остальные пойдут на различные сельскохозяйственные и промышленные курсы. Правительство принимает меры к ликвидации незанятости учащейся (или учившейся) молодёжи. В Уфе создана комиссия такого рода.

Как крепко врезалась наша Отечественная война в память народа. Девять лет прошло с тех пор, а люди ещё думают и говорят о ней. «Во время войны», «до войны»... Как она вломила и пересекла всю нашу жизнь! Народ живёт от одного сильного до другого. Сильнее войны ещё не было впечатления: не было и равного ему. Недавно шёл я по улице. По солнцепёку брели полубнявшись два подвыпивших рабочих, они взволнованно и громко вспоминали какие-то общие бои, Калач, Сталинград. В июне я разговаривал с одним сельским учителем, участником войны. Простые и грубые впечатления войны, далёкие от официального лоска, глубоко волнуют меня. Простые слова: «Перед войной хлеб стоил 70 копеек килограмм». До сих пор не поднялись до этого уровня. Он рассказывал, как при осаде Будапешта наши войска захватили винные склады, вернее, заняли на них позиции и что вышло из этого. Вино это пили без конца, и многие, в состоянии опьянения, погибли дурной и ненужной смертью. Рассказывал, как расстреливали перед строем молодых ребят, дезертиров. Выстроены все войска, военный прокурор читает приговор, выходят автоматчики. «По изменникам родины — огонь!» Это было сильно.

Один лётчик рассказывал, какая страшная отсталость царила в начале войны в нашей авиации. «Мессершмиты» крошили наши самолёты без числа. Во время воздушного боя на землю сыпались обломки наших самолётов, которые разваливались в воздухе: они были сделаны из фанеры и досок. Сколько наших лётчиков погибло на этих машинах! Наши лётчики уже тогда были лучшими в мире, но машины были очень плохи. Деревянные самолёты вспыхивали в воздухе от одной зажигательной пули. В немецких листовках осмеивалась эта фанерная авиация.

Использование авиации в современной войне.

Ломоносов. Циолковский. Жуковский. Чаплыгин.

Перед самой войной Туполев сконструировал сильный штурмовик, но его проект бюрократы тянули. Он продал свою машину немцам и сам хотел отправиться в Германию. Его и его провожатых задержали на аэродроме. Агентов расстреляли, Туполеву дали 20 лет «курорта». Но было поздно: немцы начали строить грозные штурмовики под маркой «Мессершмит».

Началась война. Наша авиация была из рук вон плоха. Немецкая авиация подавила нашу. Войска и население бежали от немецких бомб. Наш бомбардировщик «ДБ-3» был четырёхмоторный гроб. Чаплыгин развил кипучую деятельность. Вспомнили, что в Туруханском крае «отдыхает» Туполев. Его в течение трёх дней привезли в Москву и предложили создать в течение трёх месяцев машину сильнее «Мессершмита». Он ответил, что создаст машину в течение месяца. За 20 дней был готов грозный пикировщик «Ту-2». В декабре 1942 г. Чаплыгин умер, но большая группа конструкторов (Лавочкин, Ильюшин, Петляков, Поликарпов и др.) продолжала его деятельность.

В начале войны вся наша дальняя бомбардировочная авиация — неуклюжие, малоподвижные «ДБ-3» — была уничтожена. Против первого Укр[аинского] фронта немцы сосредоточили 20.000 самолётов. Но к 1943 г. наша авиация завоевала превосходство в воздухе.

К концу войны у нас была могучая воздушная армия. Появились реактивные самолёты (конструктор Микоян).

Реактивную авиацию можно было использовать гораздо шире, была возможность, но этому мешало тогдашнее руководство. Всей нашей авиацией командовал маршал Новиков. В 1945 г. он приказал доставить себе из Берлина на транспортном самолёте корову. Самолёт потерпел крушение, погиб весь экипаж — пять человек. Случай этот вызвал расследование. У маршала было несколько дач, за ним водились грязные дела. Это он искусственно заморозил развитие реактивной авиации. Маршала Новикова разжаловали в рядовые и послали на «лесозаготовки». Он до сих пор «занимается лесной промышленностью».

За годы войны наша авиация уничтожила 75.000 вражеских самолётов.

В 1942 г. первый налёт на Берлин — 3.000 советских, английских и американских самолётов. В 1943 г. был налёт на Берлин с участием свыше пяти тысяч самолётов.

(Сей листок прилагаю к дневниковой записи 3 июля в виде примечания к последним её строкам).

6 июля. Вот некоторые детали того, что произошло в Гватемале. После революции 1944 года, когда был свергнут американский ставленник диктатор Убико, республика стала на путь буржуазно-демократического развития. В 1950 г. президентом был избран Хакобо Арбенс, выходец из буржуазно-помещичьей семьи. Правительство Арбенса, по словам президента, ставило своей целью «превратить Гватемалу из страны отсталой с доминирующими в ней феодальными отношениями в страну современную и капиталистическую». Программу правительства поддержали широкие слои народа. В июне 1952 г. был принят закон об аграрной реформе: необрабатываемые земли крупных землевладельцев переходят в собственность государства и сдаются в аренду, либо подлежат распределению между безземельными крестьянами. Землевладельцы получают возмещение за отобранную землю. В результате реформы у компании «Юнайтед фронт» было отобрано около 160.000 га земли. Другим результатом были выборы 1953 года в гватемальский однопалатный парламент — Национальное Собрание: Демократический фронт Гватемалы получил на этих выборах 51 место из 58. Вся America Latina восторженно приветствовала Гватемалу. Почва задрожала под ногами гринго. Капитал выпустил когти. В соседних с Гватемалой государствах: Никарагуа и Гондурасе — политические эмигранты из Гватемалы организовали разрозненные банды наёмников. «Армию освобождения» возглавил беглый гватемальский офицер полковник Кастильо Армас. Всё «освобождение» и поднятая Кастильо Армасом война явилась типичной банановой войной, во всех речах и действиях инсургентов сквозили зелёные спинки американских долларов. 18 июня войска «освобождения» вторглись в Гватемалу из Гондураса. Кастильо Армас объявил, что его целью является свержение нынешнего правительства Гватемалы.

Он мог бы и добавить: и возвращение 234.000 акров земли, конфискованных у «Юнайтед фронт К°», которая их не обрабатывала. [А прогос: крупными акционерами банановой компании являются государственный секретарь Джон Фостер Даллес, военный министр

США Роберт Стивенс, министр торговли Синклер Уикс, бывший помощник государственного секретаря по межамериканским делам Джон Кэбот.]

Мятежники вторглись в страну с востока, из Гондураса. Они похвалялись вступить 25 июня в город Гватемалу. Одновременно нападение началось с моря, в районе портов Пуэрто-Барриос на севере и Сан-Хосе на юге. Самолёты без опознавательных знаков, но американского производства (типа «Р-47») обстреливают из пулемётов и бомбят столицу. Самолёты врага пытаются поджечь бензохранилища в Сан-Хосе и Пуэрто-Барриос. Арбенс выступает по радио с призывом к населению. Иностранные самолёты сбросили оружие в районе города Вильяканалес, в 18 км от столицы республики. Крестьяне собрали оружие и передали властям.

19 июня нью-йоркские газеты под огромными заголовками сообщили о нападении на Гватемалу войск из Гондураса и Никарагуа. Обозреватель Макс Лернер, накануне вернувшийся из Гватемалы, писал в «New York Post»:

«Ожидавшийся военный удар по гватемальскому правительству нанесён. Давно ожидавшаяся развязка наступила. Это не слабый мятеж, а хорошо запланированное и обильно субсидируемое вторжение. . . США — против режима Арбенса и полны решимости использовать любые возможные средства, чтобы заменить его. . . Кастильо Армас не смог бы собрать и оснастить армию без больших субсидий, повидимому, от «Юнайтед фрут компани» и крупных владельцев кофейных плантаций».

Завязались бои. Мятежники не смогли захватить Пуэрто-Барриос, через который должны были получить помощь. Решающих успехов Кастильо Армас не добился. Тогда американский посол в Гватемале Джек Пэрифуа развил кипучую деятельность. Он встречался с высшими офицерами гватемальской армии, беседовал с министром иностранных дел Ториэлью. 27 июня Пэрифуа встретился с Ториэлью и обещал добиться прекращения военных действий, если будет проведена «полная чистка» правительства. Затем посол встретился с главнокомандующим гватемальской армией полковником Диасом и другими представителями армии. После совещания с Пэрифуа, которое длилось целый день, полковник Диас и два других полковника посетили президента и заявили ему, что он должен уйти. Арбенс был возмущён, но оказался бессилён против ультиматума армии.

[К этому моменту интервенты произвели усиленную террористическую подготовку с воздуха. Массированные налёты на город Гватемалу и др. города отличались большой жестокостью. Из города Гватемалы сообщали, что на улицах города «валялись трупы, и хищные птицы поедали их».]

Вечером 27 июня Арбенс объявил по радио, что уходит в отставку и передаёт руководство правительством гватемальскому главнокомандующему полковнику Карлос Энрике Диасу. После этого Арбенс эмигрировал из страны. Диас объявил себя «главой государства». К власти пришла военная хунта во главе с Диасом, который первым делом издал декрет запрещения Гватемальской партии труда. Но и Диас чем-то не потрафил хозяевам: 29 июня свергли и Диаса. Радио Гватемалы сообщило, что военная хунта полковника Диа-

са вышла в отставку. Один из членов хунты, полковник Монсон, сформировал новое правительство, арестовал полковника Диаса и объявил амнистию всем «антикоммунистам», арестованным «при режиме Арбенса». Новая военная хунта объявила о роспуске Национального собрания и запрещении конфедерации трудящихся Гватемалы. Монсон приказал арестовать всех членов партии труда и закрыть газету «Трибуна популар». Монсон остановил действие аграрной реформы и заявил о своём намерении начать мирные переговоры с Армасом.

В тот день, когда в Нью-Йорк пришло известие о перевороте 27 июня в Гватемале, на нью-йоркской бирже поднялись акции «Юнайтед фрут К^о».

Главарь мятежников и слышать не хотел о том, чтобы делить с кем-нибудь власть. Но он прекратил военные действия. 30 июня начались мирные переговоры при посредничестве представителей США и Сальвадора.

Утром 2 июля, в Сан-Сальвадоре, во дворце сальвадорского президента, Монсон и Армас в присутствии Перифуа, который действовал в качестве «советника» (т.е. укротителя), заключили соглашение, предусматривающее создание правительства в составе трёх человек: Монсон (глава), Диас и Армас.

В Гватемале начались народные восстания против хунты. В районе Эскуинтла (Эскуинтла — станция железной дороги Гватемала — Сан-Хосе) действуют вооружённые партизаны под руководством Пельесера, одного из лидеров гватемальской партии труда. Хунта направила туда большую часть своих резервов, в том числе два танка.

Сейчас передали по радио, что все тюрьмы Гватемалы забиты доотказа членами Гватемальской партии труда. Строятся новые дома заключения. «Охота на коммунистов» продолжается.

12 июля. Понедельник.

Надо записать несколько слов и о своей жизни.

В это лето я решил немного заняться своим физическим развитием. Езжу на реку, купаюсь и загораю. Поллюбил грести, но гребу ещё плохо, к тому же мозоли не сходят с рук. На каникулы приехало из Москвы и др. городов много старых друзей, ныне студентов, с которыми кончал я школу. Приехал в отпуск со службы наш весёлый музыкант, хулиган и вор Женька Маринцев. Он служит «в Артуре». Там один китаец замечательно «расколол» его. На правой руке выколот земной шар и на вершине его, где-то около северного полюса, возвышается парусник, под картинкой — SOS (!) На груди плывущий по волнам современный линкор, над ним замечательно тонко выколоты края облаков. Они даже не выколоты, а сделаны как-то иначе (он говорил, что при помощи струн). Наконец, на левой руке у Женьки китаец выколот по-английски: I KNOW WHAT IS LOVE («Я знаю, что такое любовь».)

Это оригинальная татуировка, а то обычно каждый сопляк выкалывает якорёк на руке, между большим пальцем и фалангами пальцев, своё имя или инициалы, а на плече — кудрявую женскую головку, иногда даже с подписью: «Зина». На руке официантки в столовой

я прочёл синие буквы: «Маруся». Один маленький мальчик спросил маму: «У дяденьки написано имя на руке, чтобы он не потерялся, да?»

О татуировке: простой народ любит её. Очень многие, даже отупелые и жестокие уголовники, выкалывают себе на плече сентиментальный домик с кудрявым дымочком. «Не забуду родного дома». «Не забуду мать родную». Стаська Суцевский, у которого на груди выколот реактивный самолёт, описывал мне такую картинку на живом теле: скамья подсудимых, на ней сидит «я» — обладатель татуировки, а по сторонам два часовых с примкнутыми штыками. Или ещё: овал с надписью «Вот что нас губит». В овале — нож, колода карт, бутылка и женская головка. Сплошь и рядом попадаются русалка, голая женщина, девушка со скрещёнными ногами, девушка с гитарой, меч, обвитый змеей, глобус в градусной сетке, трёхмачтовый фрегат на всех парусах и тому подобная чепуха. Всё это дьявольски забавно. Максим дю Кан, известный реакционер, в своём любопытном труде о Париже, описывал татуировку одного каторжника, бежавшего из Кайенны. На лбу его были слова «Всё тот же без печали», на груди «Да здравствуют дети Парижа!» На правой руке был выколот мушкетёр и ключ «Ко мне!» На левой руке — «Нет товарищей на улове» и бюст женщины с именем — «Амвросия». На кисти левой руки: «Нет пощады дворянам, смерть обществу!» На левой стороне груди — кинжал, на пахе — солдатский шеврон, на поясице — незаконченная фигура.

Много таких картинок можно увидеть на пляжах. Стоит жара, небо выцвело от жары. Пиво разбирают с боем, квас — и за тем стоят очереди. Сколько красивых ножек, загорелых тел! Вчера я чудесно провёл воскресенье на Дёме и на Белой. Товарищ взял с собой литровую бутылку красного вина, яблочного какого-то, но пуце вина веселила нас молодая женщина по имени Тамара, красивая, пышная и упругая, вся в мелких завитых локонах, с лукавыми женскими глазами в медовых и хитрых морщинках. Она мне понравилась, но я юн и робок (впрочем, я вырос за зиму и ещё расту). Моя робость носит сознательный характер, это скорее разумное невмешательство. Тамара эта — газетчица (она работает в молодёжной газете «Ленинец»). Ребята мои — Ильгиз Каримов и Ирик Сулейманов — забавлялись с ней во-всю.

Недавно мне на улице попала женщина такого же типа, только моложе Тамары, но с такой же завивкой, волосы такого же цвета, хмельные лукавые глаза и насмешливо сжатый, удлинённый рот с дерзкими значками в уголках губ. Невольно, глядя на шею женщины, на полуобнажённую руку с часиками и на голые ноги в босоножках, представляешь её в «естественном состоянии».

Ребята. Приехавшие из Москвы, много рассказывали нового. Знаменитый коктейль-холл, около которого выстраивались очереди богатеньких сынков и пёстрых дочерей буржуев, уже закрыт: его «зарубили» в центральных газетах, особенно в «Комсомольской Правде», нашей постоянной обличительнице. Помню на последней странице «Крокодила» убийственную сатиру Бориса Ефимова: на высоком табурете перед стойкой сидит малолетний алкоголик в модном костюме, держа папиросу двумя пальцами, оттопырив безъимянный

с перстнем и выпуская струю дыма. На стойке — сосуд с коктейлем, в котором торчит соломинка, пачка соломы в стакане, графин с напитком. Форменный швейцар, в синей livрее с медью пуговиц, в адмиральской фуражке, почтительно вытянулся перед сопливым смакователем коктейля (у того осовелые с сизыми мешками) и докладывает: «Звонила ваша мама. Она хотела узнать, приготовили ли вы уроки?»

Московские стилиги носят брючки, как водопроводные трубы, длинный пиджак, застёгнутый на одну пуговицу, китайские шёлковые галстуки с красивыми цветами или контрабандные западноевропейские, на которых напечатан велосипед, жираф, бюстгальтер или «просто» голая женщина.

Нарик Ахмеров однажды увидел на улице автомобиль американского посольства и в числе других зевак подошёл осмотреть его. Внутри он прочёл знакомое слово Coca-Cola. Видимо, эта реклама проникла в частновладельческие автомобили.

Появляются понемногу новые литераторы. Нора Аргунова опубликовала хорошую, хотя и неглубокую повесть «Двери открыты настежь» (жизнь продовольственного магазина). В последнем номере «Огонька» я прочёл чудесный оптимистический рассказ Нагибина и Тисова «Четунов, сын Четунова». Несомненные признаки Возрождения, но хотелось бы ускорить, подтолкнуть его. Пишутся хорошие, честные вещи, правдиво рисующие жизнь, но их ещё мало.

В Гватемале «победители» передрались. Кастильо Армас сместил Монсона и единолично захватил власть.

В Европе происходят страшные стихийные бедствия: дожди, снегопады среди лета. Дунай разлился на огромные расстояния: большие разрушения, много жертв.

Надо пойти искупаться.

29 июля. Лето кончается.

Скоро я поеду в Харьков, к родным, повидаться.

30 июля. Начинаю готовиться к отъезду. Принёс сегодня из ремонта полуботинки, купил ремешок к часам. Вчера проводил Гебу, который уехал на экскурсию в Ленинград. Завидую ему. По временам становится страшно: как бы жизнь не пронеслась мимо!

В журнале «Знамя» печатается прекрасный роман Николая Чуковского «Балтийское небо», где описывается воздушная война над заблокированным Ленинградом. Чем-то невидимым и неосязаемым роман напоминает хорошую повесть Анатолия Рыбакова «Водители». Каж

Вот меня оторвали от дневника, и я уже не помню, что хотел написать, что за «каж»... Ну, хрен с ним. Нужно записать самое главное, что произвело на нас впечатление: Женевское совещание закончилось подписанием соглашения о прекращении огня во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Мендес-Франц, Иден, Молотов и Чжоу Энь-лай пришли к соглашению без участия Америки. Братья Олсон писали в «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Соотношение сил во всём мире всё быстрее и стремительнее складывается в пользу Кремля и против Запада».

21 июля были подписаны соглашения о прекращении огня, а уже 19 июля на Уолл-Стрит начали падать акции. Наибольших размеров падение курсов достигло 20 июля. Особенно сильно упал курс авиационных компаний.

В день авиации с самолётов бросали листовки, посвящённые этому празднику. Говорят, что в их числе были какие-то антисоветские. Мне что-то не верится.

2 августа. Который раз уж меня оторвали от дневника. Наконец, я смог к нему вернуться.

Сейчас самое животрепещущее явление в жизни Москвы и Ленинграда — стилиаги. Стилиага — экзотическое животное с причёской à la Тарзан: длинные волосы, подвитые на шее. «Шевелюра блестит брильянтовым глянцем», как говорилось в одном стихотворении, помещённом в «Комсомольской правде» ещё два-три года назад. Мало того, что стилиаги завиваются: недавно наши спортсмены, ездившие в Москву на физкультурный парад (мне рассказывал гимнаст Аристархов), видели троих стилиаг, за которыми шла толпа людей — такое они возбуждают удивление. На этих троих были «огромные, длинные пиджаки», какие-то «мохнатые» или «лохматые» по выражению Юрки Аристархова, с огромными ватными плечами; брюки в дудочку, узенькие, коротенькие, другого цвета, чем пиджак; под брюками наполовину виден носок, и башмаки на очень толстой подошве. У этих стилиаг были длинные завитые волосы, седые — крашенные — височки, так рассказывал Юрка Ар., и размалёванные брови и ресницы, как у женщин. Каждый нёс, перекинув через руку, стэк.

Стилиаги — контрреволюционеры в области культуры и быта. По своим идеологическим симпатиям они тяготеют к романтике англо-саксонского империализма. Золотые джунгли Америки грезятся им, как недостижимый идеал. В Ленинграде стилиаги окрестили Невский проспект Бродвеем. Это переименование приобрело большую популярность в сокращённом виде: Брод, по ассоциации с русским глаголом бродить. В Ленинграде сейчас все говорят: «Иду на Брод». В журнале «Смена» № 9 за 1954 год напечатан небольшой, но едкий рассказ (фельетон) о московских стилиагах-студентах В. Архипенко «Перуанский галстук». В этом фельетоне стилиаги называют друг друга Серж, Владек, Тонни. «Привет, сэр! Я к тебе по финансовому вопросу. Маленькая просьба — сотню, только до утра». «Мне необходимы пиастры, и притом позарез». Когда стилиага приходит на вечер в Мединститут, друзья приветствуют его: «Тонни! Гуд ивининг!»

Длиннейшие пиджаки с обвисающими от избытка ваты плечами, с закруглёнными снизу бортами, с огромными карманами на бёдрах. . . Ленинградские стилиаги носят узенькие клетчатые брючки с разрезами внизу, застёгнутыми на жёлтые пуговицы. Эти разрезы на брюках — мужская аналогия к тем разрезам на юбках, которые мода окрестила «не те-рай надежды» или грубее — «мужчинам некогда».

Женщины все поголовно стригутся. Школьница кончает десятый класс, обрезает косы, делает себе завивку, какой-нибудь «венчик мира», и начинает чувствовать себя женщиной. Надо сказать, загорелым полным рукам очень выгодна мода на безрукавные платья.

Короткие узкие юбки с разрезами туго обтягивают бёдра, в них, должно быть, неудобно ходить.

Народ не любит стилияг. Простые ребята, рабочие, студенты, спортсмены, презирают этих модников с ватными плечами, не упускают случая избить их. В Ленинграде, в институте имени Лесгафта, в прошлом или позапрошлом году студенты-спортсмены зазвали на вечер через своих девушек большую группу стилияг и жестоко избили их. В это лето, как мне рассказывал Шурка Охотников, студенты Москвы не раз выходили на улицу Горького, чтобы избивать стилияг. Увидев сзади спину в модном пиджаке и причёску а ля Тарзан с завивкой, они с нарочитой неловкостью задевали или грубо толкали стилиягу; и стоило тому дать выход своему возмущению в двух-трёх неосторожных словах, как в ход пускаются кулаки. Несколько коротких ударов, на горизонте показывается милиционер, но когда он прибывает к месту инцидента, нарушители уже далеко.

Стилияги отнюдь не беззащитные агнцы, они, подобно Максиму дю Трай у Бальзака, представляют собой блистательное связующее звено между каторгой и высшим светом. Один из ребят нашего выпуска, ныне студент Военно-механического института в Ленинграде, Витька Иванцов, рассказывал мне о таком случае минувшей зимой. Один институт устраивал большой вечер во дворце культуры имени Кирова. В ходе вечера двое стилияг порезали студента. Народ был дружный, не растерялись: поставили у выхода самых сильных парней и обыскивали выходящих. Если верить Витьке Иванцову, было отобрано четыре револьвера и восемьдесят ножей. Один из тех, у кого нашли револьвер, был сын генерала, красивый, симпатичный парень, но типичный стилияга.

Борьба с этой враждебной культурно-бытовой формой принимает всё более организованный характер. В Москве стилияг начинают зажимать. Они уезжают за город на электричках и там, на верандах своих дач, пляшут свои гнусные танцы под барабаны и саксофоны.

В Москве и Ленинграде очень большое распространение получили в последнее время комсомольские патрули. Патруль комсомольцев получает свою определённую зону, ему подчиняется находящийся здесь дежурный милиционер. Патруль препятствует хулиганам с их девками спекулировать билетами возле кино, упорствующих отправляет в милицию. Нередко в отделения милиции попадают и стилияги; комсомольские патрули ходят и фотографируют стилияг, чтобы потом поместить фотографии в газетах. Порою эти патрульные применяют другой вид борьбы со «стилем»: увидев пижона с длинными волосами (а ля Тарзан с завивкой), комсомольцы хватают его, вырезают ему хорошую прогалину в его космах и отпускают со срамом. После этого стилияга волей-неволей вынужден остричься.

В ленинградской молодёжной газете «Смена» был напечатан дневник девушки-стилиаги. Это подлинный документ, где цинично записаны какие-то грязные любовные истории. Стиль и язык дневника: «Вечером вышла, прошвырнулась по броду». — Это значит по Невскому. Вообще центральные газеты (за исключением общесоюзных) пишут об этом в каждом номере.

6 авг[уста] 1954 г. 3 августа 1954 г. выехал из Уфы. В пятницу 6 авг[уста] 1954 г. приехал в Харьков. Поезд № 52 (нет, в сторону Харькова только нечётные поезда) — т.е. № 51.

Замечательный парень, Владимир Германинов, музыкант (кларнет) из приличного оркестра в Челябинске. Он ехал в отпуск в Ворошиловград к родителям. Поедет обратно в конце августа. Хорошо бы опять вместе.

Замечательная девчонка (жаль, что слишком молодая). Аллочка. С характером, но ровная, спокойная, очень славная. Её адрес: город Енакиево, ул. Межевая, 75, Завалецкая А. А. Старшая сестра красивее её, но адски глупа и все задатки проститутки.

Впечатления дороги: горизонт в голубой дымке и голубой контур старинной церкви. Поезд мчится, мимо пролетают кусты и деревья, а церковь на горизонте всё на прежнем уровне, словно едет параллельно поезду. Так минуты три.

Переехали Дон. Он там неширок. Я курил на площадке вагона и глядел вниз. Двое бронзовых молодых людей гребли в лодке. В вагоне стояла удушливая жара, и я подумал: «Вот бы сейчас искупаться!»

Около линии валялись сменённые шпалы, почерневшие, старые. Они были разбросаны, как куриные косточки после обеда.

Видел мосты, элеваторы, колхозные поля, деревни. На одном мосту было высечено: «1936 г. НКПС». Мимо проезжали пассажирские и грузовые поезда. Последние везли лес, комбайны, грузовики, трактора, цистерны с нефтью (это ещё в Приволжье) и прочее. Видел города, станции. Лиски напомнили мне Уфу своей зеленью и небольшими домиками. Видел я и разных людей.

Но с особенным удовольствием я вспоминаю эту Аллочку, загорелую крепкую девочку лет пятнадцати, ехавшую с острова Сахалина. Чудесная дикарка с большими строгими глазами; когда она улыбается, то глаза аж сияют и верхняя губа слегка вздёргивается, словно заворачиваясь вверх. Зубы у неё очень красивые. Нам всем она понравилась гораздо больше её сестры — типичной сельской красотки, которая разыгрывает из себя жеманную городскую барышню, но между тем непрочь до трёх часов пообжиматься в тамбуре с любым моряком или военным.

С Витей я сегодня ходил в кино на «Весёлые звёзды». Харьков хорош. Женщины выглядят лучше, чем в Уфе. Кстати, я никогда раньше не слышал про мужской маникюр.

8 августа. Воскресенье. Вчера ездили на пригородном поезде в Южный посёлок купаться. Плохо в Харькове с купаньем. Идти было далеко, и купались в пруду. Настроение хорошее. Сегодня думаем пойти на «Динамо». Там начнётся всесоюзное первенство «Динамо» по лёгкой. В первенстве участвует команды Уфы. Там у меня есть знакомые и один товарищ, Коля Костин, спринтер. Эта команда ехала в одном поезде со мной.

Познакомился с витиным товарищем Фимкой.

14 авг[уста]. Жизнь довольно однообразна. Ходил ещё раз с Витей в кино, смотрел старый голливудский фильм «Таинственный беглец». С точки зрения истории это страшная чепуха, но мне очень нравится герой фильма. Замечательную песню поют ссыльные в трюме

корабля, везущего их в Новый Орлеан. Весёлые и страшные приключения этих ссыльных, моряков и полупиратов, во главе с герцогом де Вивье, он и есть «таинственный беглец», т.к. скрывается под маской простого колодника. Романтические эпизоды освобождения заключённых, мятежа, рукопашного боя на корабельной палубе, много непритязательного американского юмора. . . По-настоящему красив финал. Видимо, в Голливуде была когда-то и пора здорового цветенья.

Купил в магазине и прочёл L'argent Золя, прекрасное московское издание, по-французски.

Был с Витей на танцах. Здесь танцуют на площадях под открытым небом (черта коммунизма). Много здоровых загорелых девушек. Южане — весёлый обаятельный народ. Обилие соломенных шляп и украинских рубашек с вышивкой, с короткими рукавами, воротник прямой и завязывается шнурочком.

Архитектура Харькова (в центре города) — типичный советский классицизм. Домов, выстроенных со вкусом, очень мало. Красивые фонтаны.

В Харьковском музее я видел портреты Петра Великого, Кочубея, харьковского осадного Харько и т.д. Есть картины Брюллова и Шевченко. Вариант репинских «Запорожцев». Статуи Коли Руднева и Зои Космодемьянской. Картина двух местных художников «Голос мира»: широкое полотно с изображением Андрея Януарьевича Вышинского, выступающего в Организации Объединённых Наций.

16 августа. Понедельник.

Вчера ездили купаться в Южный посёлок, хорошо покупались в том же пруду, позагорали, дьявольски устали. Когда мы с Витькой возвращались домой одиннадцатой маркой трамвая и вагон переезжал через мост, вправо и влево от нас проплыла отвратительно зелёная Лопань, в которой, как лягушки, копошились лодки и даже (о, ужас!) в просвете между облаками ряски плавала настоящая живая человеческая голова — совсем как винная пробка в закиснувшей старой луже.

Девчонка, которую Витя подцепил на танцах и возил в Южный, жила прежде во Львове и водила знакомство с поляками, тамошними уроженцами. Они были очень враждебно настроены к советским людям, к России и т.д. Польские богатенькие сыночки, рассказывает девчонка, носят капроновые носки.

В Харькове у стилига бывают галстуки с атомными бомбочками.

Чтение двух совершенно разных книг — «Преступление и наказание» и «Времена года» Веры Пановой — навело меня на мысли о колорите эпохи. Современный человек живёт на заводе, в конторе, в учреждении; в доме, на даче, в общежитии, на курорте; живёт в трамвае, в автобусе, в троллейбусе, в метро и в электричке; живёт в вагоне железной дороги.

В железнодорожном вагоне он пьёт от скуки вино, играет с соседями в карты и в козла, рассказывает бесконечные железнодорожные истории и анекдоты, поёт песни, флиртует с попутчицами.

В трамваях рабочих маршрутов, которые переполнены рабочими одного завода, молодёжь не платит за проезд.

В московском метро и даже в трамвае читают книги и газеты. Почтенные женщины, увлекшись романом, проезжают свою остановку.

Большую часть времени современный человек проводит в столовой.

Существуют также парк, стадион, бильярдная, танцплощадка, библиотека, читальня, шахматный клуб, водная станция и вышка для прыжков в воду.

Нужно, справедливости ради, упомянуть ещё тёмные притоны с проститутками, рестораны и отделения милиции.

С другой стороны — театр, кино, симфоническая музыка, дипломатические приёмы.

В Харькове ещё не вполне остыли следы войны. В центре города есть ещё разрушенные дома, до которых не дошла ещё очередь. Есть дома, отстроенные наспех и имеющие довольно безобразный вид. На кирпичной стене, обращённой во двор, где я живу, ещё не стёрлись огромные, грубо выведенные извёсткой лозунги: «Да здравствует наша Всесоюзная Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор великих побед Красной Армии! Смерть немецким захватчикам!» И вторая уже почти смытая: «Да здравствует наша великая Родина!» Мне рассказывали мои родные, что когда они приехали в 1945 году в Харьков, эти надписи были везде. Ими встречал Харьков приход советских войск.

Две фамилии очень часто встречаются на улицах Харькова: Зайцев и ещё какая-то другая. Это фамилии офицеров-сапёров, которые обезвреживали минированные дома. Только что, сходя с трамвая, я увидел на серой каменной стене большого дома на улице Пушкина два выщербленные крест-накрест топора и под ними надпись: «Мин не обнаружено. Зайцев. 24 VIII 43». Такие надписи («Мин нет. Зайцев») попадаются на многих домах.

В большом харьковском парке (имени Горького), в его глухой части, земля ещё очень неровна, бугры, ямки, выбоины. Это старые окопы, которые за одиннадцать лет уже почти совершенно засыпались и сравнялись.

Мне нравятся харьковчанки. В них больше огня и жизни, чем в наших северных девах. Преобладают полные женщины, но это не закон. Вот и сегодня в трамвае я видел стройную женщину в ярком платье — смуглая, жгучая брюнетка, волосы, брови, глаза — как безлунная ночь; в красивой руке она держала белую сумочку; у неё крепкие сильные ноги; губы тщательно выкрашены светло-красной помадой, и великолепным контрастом с этой неживой краской на верхней губе лежит чёрный дымок — «усики». Эти усики считаются признаком сильного темперамента. Не женщина, а южная поэма.

Затем на улице прошла с матерью девушка в белом, хорошо сложенная, очень молодая и рослая, с открытыми по моде руками. У неё живые карие глаза и свежие полудетские губы; самолюбивые, но весёлые губы; и от губ до носа расстояние несколько велико, но эта диспропорция ей к лицу. Она задержала на мне томный от жары взгляд и, выходя из тени на солнце, кончиками пальцев чуть поправила белую шляпу.

17 августа. Смотрел фильм «Шведская спичка» (по А. П. Чехову).

Оказывается, я ошибся: лозунги на харьковских стенах писали не жители, а войска. В доме, где я живу, стояла воинская часть.

2 сентября. Учусь на втором курсе института. В августе 1954 сего года провёл двенадцать дней в Харькове. Выехал оттуда 25-го. Харьковские записи прилагаю на этих листках.

Хочу занести на эти страницы кое-какие новости, интересные для каждого гражданина.

Во-первых, французский парламент отверг договор о европейском оборонительном сообществе. Даллес назвал это голосование «несчастьем». На нью-йоркской бирже произошло резкое падение курсов. Весь советский народ с удовольствием аплодирует в честь Франции. Ещё один петушиный крик, которого так боится призрак войны.

Латинская Америка становится беспокойным материком, очевидно, она следует вслед за Азией в очередном порядке мировой революции. В Бразилии произошёл государственный переворот: президент Варгас, выражавший интересы национальной буржуазии, покончил с собой. Около его тела было найдено письмо, где содержится ссылка на «опозицию за границей» мероприятиям правительства «в области нефти и электроэнергии». В своей деятельности, направленной на то, чтобы помочь «маленькому человеку Бразилии», президент сталкивался лишь с «оскорблениями, обвинениями и клеветой», в то время как оппозиция пыталась заставить его замолчать.

Президентом стал Кафэ Фильо, бывший вице-президент. Все министры Варгаса ушли в отставку кроме военного министра (генерал Да Коста). У американского посольства, находящегося под охраной войск, произошла демонстрация: солдаты и полиция стреляли в народ, демонстранты перебили камнями окна посольства. Всё это происходит в последней декаде августа. В Порто-Алехре и Бело-Оризонте демонстранты нанесли ущерб американским консульствам; кроме того, в Порто-Алехре они ворвались в здание филиала «National City Bank of New-York». В Сан-Пауло демонстранты напали на помещение, принадлежащее «United States shoe machinerie corporation». В Порто-Алехре бразильские войска стреляли в народ: трое демонстрантов убиты, десять ранены.

Кафэ Фильо — друг американцев и сторонник американских капиталовложений в Бразилии, чему Варгас пытался поставить предел. Министр авиации генерал Эдуардо Гомез тоже сторонник американцев. Вождь бразильской компартии Луис Карлос Престес, тот самый «рыцарь надежды», которого Варгас подвергал преследованиям, предупреждает, что Гомез — кандидат в бонапарты. Престес говорит ещё о «группе фашистских генералов».

25 августа тело Варгаса на самолёте было отправлено из Рио-де-Жанейро в Южную Бразилию для похорон. На аэродроме собралось полмиллиона жителей столицы. Сразу после отлёта самолёта началась демонстрация: перед министерством авиации собралась толпа, «чтобы выразить своё враждебное отношение» к генералам армии и авиации, заставившим Варгаса уйти со своего поста. Были вызваны войска и открыт огонь, имелись раненые. — В Центральном районе города полиция разгоняла демонстрантов при помощи пожарной машины с брандспойтами: народ захватил и поджёг машину. В этом инциденте было ранено

не меньше 20 человек. Демонстранты разбили окна в здании фирмы «Standard oil». Перед американским посольством, находящимся под сильной охраной, снова собралась толпа.

[Президент Варгас создал монополию «Петробраз» — сокращение слов «petroleum» — нефть и «Brazilia» — и запланировал создание компании «Электробраз» для постройки сети электростанций в Бразилии].

26 августа подали в отставку начальник штаба вооружённых сил маршал Маскареньяс де Мораньес, морской министр (нового кабинета) Гильобель и шеф полиции и Рио-де-Жанейро полковник Торрез. Полиция произвела свыше 100 арестов. Газета «Импrensa популяр» описала демонстрацию у американского посольства под заголовком «Жители Рио-де-Жанейро негодуяще кричат на улицах: Долой американцев!» Полиция конфисковала этот выпуск.

27 августа в Порто-Алегре полиция стреляла в демонстрантов перед американским консульством.

Президент Кафэ Фильо назначил министром финансов Эудженио Гудина вместо Освальдо Аранья. Последние четыре года Гудин был представителем Бразилии при Международном банке реконструкции и развития и Международном валютном фонде в Вашингтоне. Гудин «поддерживает тесный контакт с американскими финансовыми кругами и женат на американке» (корреспондент Associated Press). В беседе с корреспондентом «New-York times» Гудин заявил, что новое правительство будет поощрять вложения иностранного капитала в Бразилии.

В Порто-Алегре, где профсоюзные руководители намечают всеобщую забастовку, танки патрулируют улицы. Рабочие Сан-Пауло наметили забастовку на 2 сентября, т.е. на сегодня.

Но в целом картина ясна: переворот в Бразилии уже свершился. Революции так не начинаются (сожгли пожарную машину с брандспойнтами). Забастовки не приведут к изменению правительства. Генералы-фашисты держат войска под своим влиянием.

У нас в Союзе тоже не всё так уж гладко. Идёт Сельскохозяйственная выставка. На будущие годы запланировано новое гигантское расширение посевов за счёт целины. Но в колхозах жизнь идёт вяло; мужчины уходят в города, на заводы, деревенская молодёжь едет в вузы и техникумы. А августе большой набор в армию подчистил остатки. На уборку урожая посылают студентов, хотя учебный год начался.

В день авиации, когда у нас в Уфе бросали листовки с самолётов, в разных местах города поднялись в воздух три воздушных шара: они лопнули и рассыпали свои листовки, в которых говорилось о том, что советская власть угнетает народ. Они были напечатаны на прекрасной бумаге. Вот уже тридцать лет, говорилось в них, русский народ угнетают тираны. Заканчивались они призывом вступать в тайную организацию НТС, что тут же в скобках расшифровывалось: «Несём тиранам смерть». Была брошена и газета, где была напечатана карикатура: нож разрезает хлеб, в котором кишат черви.

Вся милиция была брошена на сбор этих листовок. Видимо, в нашей стране ещё немало врагов. Это не удивительно, т.к. наше грозное время и вынужденные обстоятельствами

крутые меры правительства произвели большое недовольство. Во время войны очень много крестьян, мобилизованных в армию, путём подкупа и обмана добивались отправления домой похоронных извещений и затем дезертировали с оружием в руках. У нас в Башкирии во время войны судили за грабежи и убийства шайку дезертира Морозова. Морозов был расстрелян. Были дезертирские шайки в сибирской тайге. Большинство дезертиров бежали не от страха смерти, а из антисоветских настроений: ведь они уносили с собой оружие. Они вели малую войну в советском тылу и ждали немцев. Когда война кончилась, сибирские банды начали пробиваться с оружием в руках в сторону Манчжурии, чтобы уйти к японцам. Все они были перехвачены по дороге.

В нашей административной системе есть свои большие неполадки. У нас в Уфе говорят о том, что милиция превращается в жандармерию: арестованные подвергаются сильным избиениям. Недавно убили одного хорошего парня, по фамилии Рыжилло, окончившего с отличием авиационный институт. По этому делу арестовали большую группу молодых хулиганов (убийца — девятиклассник из 21-й школы). Мотивы убийства неясны. Этих ребят зверски избивали. Одного из них на последний допрос несли на носилках. Я хотел бы присутствовать на суде, когда он будет. Говорят, три следователя, которые вели это дело, уволены и отданы пол суд. Правильно! Советская милиция должна быть чем-то иным, нежели полиция царского времени.

Карл Радек был осуждён, кажется, на 10 лет в 1937 году. Есть известия, что он отбыл срок заключения, освобождён и пишет в «Литературной газете» под псевдонимом «Литератор».

Что стало с блестящей плеядой людей двадцатых годов? Их история увлекательна, как роман.

Лиля Брик.

Знаменитое имя.

Сколько у Маяковского стихов о ней и к ней. Нередко он открыто называет её по имени. «Лиличка! Вместо письма». Ещё в годы первой мировой войны Маяковский писал: «Надо мною кроме твоего взгляда не властно лезвие ни одного ножа». Было время, когда и она любила его. Но тут есть ещё одно имя: Осип Брик, известный критик и литературовед того времени. Он был мужем Лили. Очень упорно держатся слухи, что они вели жизнь втроём. В знаменитой поэме «Хорошо!», в том месте, где описывается голодная Москва 1918 года, есть отчётливо сказанные слова:

«Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я

и собака

Щеник».

Как прикажете понять сопоставление: Лиля, Ося, я?

11 июня 1925 г[ода] у Маяковского в одной парижской гостинице украли все его деньги: 25.000 франков (2.500 рублей по тем временам). Вор захватил бумажник с документами и карточкой Лили Юрьевны Брик.

Из Мексики он писал ей письма, начинающиеся словами: «Дорогой Лилочек!» Она однажды телеграфировала ему в Америку: «Куда ты пропал?»

Но факт, всем известный, что Лили Брик разлюбила поэта и не знала, как от него отвязаться. Она подсовывала ему красивых молодых женщин такого же типа, как она, но ни одна не могла удержать его надолго.

Неправда, что смерть Маяковского была порождена его несчастьем — я не верю, что он заболел венерической болезнью. Нет, к самоубийству его привела двойная измена: поэзии и возлюбленной. Уже в 1926 году он писал в своём разговоре с фининспектором:

«Всё меньше любитя,
всё меньше дерзаетя,
и лоб мой
время
с разбега крушит.
Приходит
страшнейшая из амортизаций —
амортизация
сердца и души».

Критика не переставала грызть и травить его. Поэт Сельвинский писал о Маяковском: «рифмованная лапша кумачовой халтуры», «барабан с горошком а-ля-Леф» (пародируя кулинарный термин — баран с горошком а-ля-беф). Это в 1928 году, когда Маяковский уже написал свои главнейшие произведения, ныне превозносимые до небес. Он заболел, потерял голос, потерял навсегда. Ему казалось, что он навсегда останется агитатором, поэтом с уличной тумбы, горланом, которого презирает вся большая литература. Он устал, он страшно, и в эту тяжёлую пору он хотел опустить свою гудящую голову на любящую грудь. Но ему было отказано в этом великом утешении.

Известно, что в день смерти он побывал в доме Лили Юрьевны. Она обошлась с ним холодно. Отправившись домой, он взял револьвер и с левой руки пустил пулю в своё отчаявшееся сердце.

Все авторские права Маяковский завещал Лиле Брик. До сих пор она получает большие доходы с издания его книг. У неё хранится масса неизданных писем и стихов Маяковского. Алёша Феофанов, мой хороший знакомый, наш уфимский, он учится в Ленинграде в театральном институте на Моховой — так он видел Лилию Юрьевну на первом представлении

«Бани» в одном из ленинградских театров. Он даже говорил с ней о чём-то. Это маленькая старушка в тёмном платье, с рыжими волосами. [Глаза у неё карие, это известно из стихов Маяковского.] Говорят, что она каждый день ездит на могилу Осипа Брика.

Между прочим, Лиля Брик — сестра французской писательницы Эльзы Триоле. Года два или три тому назад я слушал по радио трансляцию какого-то торжественного собрания из Москвы. Перед советскими писателями выступал Луи Арагон. Его речь переводила Эльза Триоле — чисто русское произношение, а она прожила всю жизнь в Париже.

Всё о Лиле Брик.

А Сергей Есенин?

Сколько обаяния в этом имени. Вот тоже был чудесный, яркий юноша со светлыми кудрями и голубыми глазами: покуда не опух от пьянства. Он немало пожил за свою жизнь, и женщины очень любили его.

У него есть знаменитое стихотворение, начинающееся словами:

«Вы помните, вы всё, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене...»

В конце стихотворения есть строка:

«Живёте вы с серьёзным умным мужем...»

Это про Мейерхольда. Жена Есенина ушла от него к Мейерхольду.

Теперь нечто вроде анекдота: у известного критика Когана была жена. Её сын, красивый белокурый мальчик, был похож одновременно на Есенина и на Блока. Одним женщина говорила, что мальчик от Блока, другим — что от Есенина¹. Когда он вырос, все увидели, что это — «блок».

А ещё стихотворение у Есенина:

«Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?»

Оно обращено к Айседоре Дункан и датировано четвёртым декабря 1925 года. Эта знаменитая женщина, когда-то красивая и великолепная, прижилась в России. Она влюбилась в Станиславского и предложила ему: хотите, я буду танцевать перед вами нагая?

Станиславский страшно смутился.

— Это очень интересно, — сказал он, наконец, заикаясь от волнения, — только можно мне пригласить и мою жену?

Айседора рассмеялась: — Вы ребёнок!

Это в воспоминаниях Сереброва. А сама Дункан пишет в своих мемуарах («Моя жизнь») примерно следующее.

«Мы были одни. Я увлекла Станиславского на диван, но он был очень застенчив».

¹Быть может, сама не знала в точности.

Станиславский был замечательно благородный, милый и привлекательный человек. Характерно его поведение в отношении Мейерхольда.

Станиславский и Мейерхольд были принципиальными противниками в искусстве. Первый был классический представитель зрелого русского реализма. Второй был смелый до дерзости новатор, революционер театра, но в его революционности была слишком густая струя индивидуализма, анархии. Имя Мейерхольда, театр Мейерхольда стали синонимом формализма и трюкачества. Пожалуй, это неверно. Этот фантазёр и театральный экспериментатор создал несколько замечательных режиссёрских произведений.

Между прочим, в «Огоньке» за 1928 г. я видел фото: Качалов и Мейерхольд, играющие в какой-то пьесе, кажется, «Под золотым орлом».

Так вот, формализм был идейно разгромлен, и театр Мейерхольда был закрыт. Теперь это концертный зал имени Чайковского (в Москве). В это время Станиславский, который высоко ценил талант Мейерхольда, предложил ему место режиссёра в своём театре.

Но Мейерхольду не суждено было работать со Станиславским. Жёну Мейерхольда, актрису Зинаиду Райх, нашли мёртвой: она лежала в ванне с выколотыми глазами. Начался скандальный процесс. Мейерхольд был арестован. Было установлено, что убийца влез по водосточной трубе. Когда было совершено убийство, Мейерхольда не было в городе. Но в ходе суда установили, что он получал какие-то деньги из-за границы.

Это может быть: он вёл обширную переписку с заграницей, его звали туда работать. Его в чём-то обвинили, засудили, дали срок.

Теперь так: после войны в Москве происходит смотр местных театральных коллективов. На сцене — Мурманский театр. Идёт какая-то современная пьеса. В партере покойный Качалов, Игорь Ильинский (ученик Мейерхольда) и другие маститые артисты.

Смотрят — и чувствуют нечто знакомое, хотя давно забытое: какие-то воспоминания навевают все построения и мизансцены, чем-то знаком весь режиссёрский «почерк» спектакля.

Занавес опущен, идут за кулисы. — Скажите, кто ставил этот спектакль?

Их знакомят с режиссёром — он рассказывает о своей работе — уступая настойчивым расспросам, неохотно сознаётся:

— Ещё помогал нам один заключённый, Мейерхольд.

Мейерхольд умер на Севере, в 1950 или 1951 году.

Рассказывают, что известный певец Вадим Козин, находившийся в заключении, вышел по амнистии, получил свободу и умер от разрыва сердца в поезде, не доехав двух остановок до Москвы. Он отбывал заключение за педерастию.

Я не знал, что этот порок так распространён. Ребята рассказывали мне несколько случаев.

В Свердловске Раиль Билялов в 1953 году, осенью, столкнулся с одним любопытным стариком. Раиль довольно хорош собой и порою в его лице является этакая женственная

мягкость. Видимо, это лицо обмануло старика. Он сунул руку в карман Раиля и сказал, ощупывая его testiculae: — Ну, что, Витенька, дашь мне сегодня?..

Он напоил Раильку вином, купил ему мороженого и повёз к себе домой: — Только ты не убеги, Витенька.

Старик сидел в трамвае, Раиль вышел подышать воздухом на площадку и спрыгнул на полном ходу.

Другой случай был жарким летом в Баку. Другой мой товарищ, студент Уфимского нефтяного института, был там на практике (тоже в 1953 г.). Он жгучий брюнет с карими глазами, меланхолическим взглядом, очень правильными чертами лица и красивым ртом. У него приятная тихая улыбка, он невысокого роста, строен, хорошо сложен.

Этого моего товарища в Баку встретил в трамвае пожилой и почтенный человек, высокого роста, седой, хорошо одетый, в прекрасном костюме. Мой товарищ очень понравился ему, и он соблазнял товарища придти к нему домой. — Дома никого нет, жена на курорте, дочь с аспирантами крутит. Всё тебе будет, деньги, кино, автомобиль, вина. — Этот мужчина состоял в Академии художеств. Узнав, что мой друг — уфимский студент, он предложил организовать его перевод в Баку, в эту Академию, чтобы устроить возле себя. Он долго уговаривал моего товарища (мой товарищ — татарин, этот человек был русский, давно осевший в Баку). Товарищ отвечал: «Не знаю. Может быть.» Он не знал, как отделаться от влюблённого педераста. Тот просил у него ласк иного рода, чем в свердловском происшествии: бакинский педераст желал играть пассивную роль в сношениях. На прощанье, полагая, что совсем уговорил юношу, этот почтенный и представительный человек сказал ему: «Я весь твой».

В обоих этих случаях ребята растерялись от неожиданности и не знали, что предпринять. Иной случай произошёл в Москве с моим школьным товарищем Шуркой Охотниковым, ныне московским студентом. Однажды, гуляя вечером по Москве с друзьями, он остановился на площади у Большого Театра. К их группе подошла женщина: в шляпке, пальто, капроновых чулках и туфлях с высокими каблуками. «Сколько времени?» — спросила она пискливым ненатуральным голосом. Шурка взглянул на часы: «Без четверти двенадцать». — «Ну что, ждать что ли тебя в пол-первого на углу?» Она указала рукой. Шурка, не понимая, глядел на неё в немом удивлении, когда один из его товарищей, студент-татарин, оказавшийся наиболее опытным, с бранью замахнулся на женщину. Она отскочила и побежала. Только тут все увидели, что это существо мужского пола.

В Москве очень трудно встретиться с другом, но бывают совпадения. На одном из вокзалов, встречая или провожая кого-то, Шурка увидел то же самое существо. Оно не узнало ребят и подошло к той же группе. На этот раз на его приставания они ответили сильным толчком, так что «женщина» отлетела прочь. Раздался пронзительный горловой визг, такой странный и неестественный, что все кругом обернулись в недоумении: что за звуки? За что эти молодые люди швырнули от себя эту женщину?

В Москве педерастов не мало. У них есть какое-то своё место сбора, свой притон. Порою они пристают к молодым москвичам и дорого платят слабым. Смешно и дико слышать из уст мужчины страстное признание: «Я тебя люблю».

В Баку их называют «маштаги». В Тбилиси есть какое-то грузинское слово, которое мне перевели как «курощупы». Это неверно, они щупают не кур, а яйца.

Но довольно об этом. Не такая уж интересная тема для разговоров. Мало ли дряни на свете. А в тюрьмах? В лагерях?

25 — 27 сентября 1954 года.

Ох уж эти мне стилиаги! И откуда берутся эти люди? От кого родилось это племя? Чтобы понять это до конца, нужно дышать воздухом Москвы.

Этим летом последним криком моды были голубые макинтоши. Представляю себе такого dandy на улице Горького: узенькие брючки, из-под которых видны носки, лакированные туфли, голубой макинтош, шевелюра причёсана à la Tarzan, с завивкой на конце, вокруг шеи. Недавно я видел такого «артиста» в Уфе. Теперь стилиаги выкрашивают себе виски в «седой» цвет или делают «седую» прядь на темени, посреди шевелюры: поседел от ранних переживаний. Говорят, они даже пудрят лицо. Это уж чорт знает что! Нехватает только, чтобы они красили губы, как парижские мальчишки в кафе педерастов 30-х годов.

Живучий народ! Как их ни прижимают, они всё ещё существуют и, может быть, даже плодятся и множатся. В Москве позакрывались все коктейль-холлы (кроме одного, я слышал): они были рассадниками этой заразы.

Каких только напитков в них не было! Существует коктейль из двух ликёров, он пьётся с яичным желтком, причём желток этот нужно придерживать языком во рту, а выпив — проглатывать. Или коктейль из десяти ликёров, все они имеют разный удельный вес и потому не смешиваются: можно опустить соломинку в любой слой и тянуть то, что по вкусу.

В июльском номере (в одном из июльских номеров) газеты «Советская торговля» я прочёл, что в доме № 6 по улице Горького, в помещении бывшего коктейль-холла, открылось кафе-мороженое на 130 мест. В его меню более 10 сортов мороженого: крем-брюле, сливочное, шоколадное, фруктовое, торты, брикеты, сэндвичи и др.

«Кушайте мороженое, советские граждане, вместо употребления спиртных напитков!» — Bravissimo! Я голосую за!

Правительство не на шутку взялось бороться с алкоголизмом. Давно пора! Довольно России славиться пьянством. Сколько горя, сколько трагедий, разводов, преступлений и смертей порождает русская водка — самая страшная разновидность зелёного змия.

Прежде всего правительство запретило продавать водку в разлив. Раньше стоило подойти к любому киоску, заскочить в любую забегаловку, спуститься в любое «метро» или «золотое дно», чтобы опрокинуть 100, 150 или 200 грамм водки. Пить меньше ста грамм русский человек считает унижительным. Существовало положение, некогда охарактеризованное Некрасовым:

На всей России-матушке

Два слова нацарапано:

«На вынос и распивочно».

Когда в Верховном Совете или ещё каком-то подобном высоком органе Микоян года три четыре назад сказал в своём докладе: «Производство водки, отвечая потребностям населения, растёт медленнее, чем до войны, но всё же растёт», — то стенографический отчёт зарегистрировал в зале «весёлое оживление».

Теперь сей печальный факт не вызывает никакого веселья. Чему смеяться?

Россия-то пьёт ведь, а?

Америка — страна алкоголизма. Пьют дети, подростки, женщины. В январе 1952 г[ода] нью-йоркский журнал «Нью Рипаблик» сообщил, что 60 млн. американцев потребляют спиртные напитки в большом количестве, из них 4 млн. — неизлечимые алкоголики, а ещё около 3 млн. страдает запоями (в их числе 500.000 женщин). В 1945 г[оду] в США было выпито 190 миллионов галлонов крепких напитков, а галлон — около 4 литров: стоило это чуть-чуть дешевле 7 миллиардов долларов (последнее из книги Джона Гантера, «В Соединённых Штатах»).

В СССР такой статистики нет, но я думаю, что мы занимаем по алкоголизму второе место в мире, никак не менее.

Правильно делают наши вожди, борясь с этим страшным врагом. Это не мелочь: в России все мелочи принимают гигантские размеры, соответственно масштабам страны. Недаром ведь Ленин говорил когда-то о тифе: «Или социализм победит вшей, или вши победят социализм».

Первая мера дала свои плоды: пьяных стало меньше. Отныне на России нацарапано лишь одно слово: «На вынос». Это в буквальном смысле, можно прочесть во многих магазинах: «Водка, вино и пиво продаются только на вынос». Напиваться в разбивку теперь невозможно: меньше, чем «чекушку» (косушка, 1/4 литра) тебе не продадут и стаканов не дадут. «Здесь пить нельзя». Отправишься в скверик, в какой-нибудь уголок или подворотню, вышибешь пробку и пей из горлышка: буль-буль-буль. Но это не всё. Правительство дало указание местным органам преследовать пьянство. И вот штампуются постановления горсовета: за пение на улицах и в общественных местах после каких-то часов, за приставание к прохожим в пьяном виде, за — тут следует целая серия «за», назначается такой-то штраф или тюремное наказание. Это воспрещение ещё «полбеда», но вот беда: в отрезвиловке повысили плату. Ежевечерне грузовик с добычей неоднократно подкатывает к углу улиц Цюрупа и Сталина, из кузова милиционеры «выносят тело», и пьяный попадает в уютный уголок, где тепло и он может спать в чистой постели, если предварительно не облюёт простыни и подушки. Кажется, повышение платы за этот ночлег произведено с 25 до 40 рублей — не знаю, я там не был.

Теперь за пьянство исключают из партии, из комсомола, из института, из учреждения: такова установка правительства.

Всецело одобряю.

По этому поводу нужно рассказать следующий случай: в ночь на 13 августа восемнадцатилетний рабочий литерного завода Ткачёв, выпив порцию водки по случаю отправления в армию одного из друзей, придрался к проходившему по улице Виллиму Рыжилло, окончившему в этом году авиационный институт (мои товарищи его знали). Ткачёв ударил Рыжилло по лицу. «Молодой специалист» (так выражался впоследствии судья), здоровый и сильный человек, очень мирного характера, сделал знак сопровождавшим его двум товарищам и девушке (Алла Сорокина) идти прочь, не ввязываясь в драку, а сам, взяв Ткачёва за грудь и прижав к стене, сделал ему увещание. Затем Рыжилло (дело было всё на той же Цюрупа — довольно бандитская улица) оставил Ткачёва и пошёл, но Ткачёв, догнав его через несколько шагов, вынул из кармана острый трёхгранный шабер (слесарный инструмент) и ударил Рыжилло в грудь. Тот поспешно пошёл прочь, потом зажал рану ладонью, ноги его стали заплетаться и, перейдя через улицу Кирова (на углу), упал. Скорая помощь увезла его в больницу: в груди была рваная рана, и через несколько минут он умер от кровоизлияния в области сердца.

Шабер был куплен 12 августа или накануне одним из друзей Ткачёва для того, чтобы зачищать коньки (так показал на суде второй обвиняемый — Усманов): на них остаются заусеницы, которые нужно сглаживать таким вот шабером — этот друг обвиняемых был спортсмен. Зачем взял его Ткачёв? Ясно одно — не коньки зачищать.

Психику этого Ткачёва я довольно ясно представляю. Конечно, убивать Рыжилло «насовсем» он не собирался: хотел нагнать на него страху, пырнуть, пустить кровь, как всегда поступает шпана. Но ему «повезло»: угодил в область сердца. Убивать после указа о смертной казни за убийство стало вообще невыгодно. Однако же вот — факт.

Перед судом отец убитого, достойный человек, бывший воспитанник Антона Семёновича Макаренко, заявил, что если Ткачёва не расстреляют, он сам его убьёт. Но Ткачёв приговорён к расстрелу и, вероятно, уже умер: приговор приводится в исполнение через 72 часа.

Вторым подсудимым был Усманов. Он участвовал в драке и после смертельного удара сказал Ткачёву: «Дай мне шабер, я его ещё раз ударю». Эти слова, запротоколированные по форме на предварительном следствии, он отрицал на суде, но свидетельские показания уличили его. Защитник сумел «доказать», что Усманов не пил свою долю в пирушке: вернее, нет доказательств обратного. Усманову дали 5 лет. Он улыбался от радости.

Дело третьего обвиняемого, Макарова, выделено особо, т.к. он находится в психиатрической больнице: следствие причинило ему лёгкое помешательство.

Я был в Верховном суде и слушал дело примерно два часа. Зал был заполнен доотказа. Такова водка и нравы её приверженцев.

Н. Глазков пил. По его собственному выражению, «пил смертным поём». Пил продуманно, принципиально и вместе с тем вынужденно. Пил из-за рифмы.

Когда-то в юности случилось ему сочинить две строчки: «Я водку пью из чувства долга, потому что я — поэт». У Глазкова не хватило храбрости признаться в хвастовстве,

в неуёмном фразёрстве. Пришлось доказывать себе и окружающим, что это не ради рифмы сказано, а всерьёз. Не болтовня, не поза, а, так сказать, литературное кредо.

Поклонников стало меньше. Место товарищей заняли собутыльники. А собутыльники просили, требовали ещё и ещё стихов насчёт выпивки. Глазков сочинял: «Я выпиваю — значит, я живу. Меня манит живительная влага».

Собутыльники восхищались. И заставляли Глазкова по этому поводу выпить ещё. И Глазков снова разрабатывал тему пьянства:

Добрым людям спирт,
что коню овёс,
А без спирта они,
что трамвай без колёс.

И снова собутыльники восхищались, и приходилось снова пить, как это ни было неприятно и противно. В конце концов, приобретала буквальный смысл строка: «Я на мирзираю из-под столика».

Никто не вмешивался. Формально вроде никто и не обязан был вмешиваться. Глазков не состоял в Союзе писателей, а только ходил по его коридорам, как когда-то он не занимался в Литинституте, а только ходил по его коридорам. Но если бы Глазкова и «проработали» для профформы, — это бы его не очень расстроило. Другого он боялся. Как бы не разоблачили его дешёвое литературное юродство. Как бы не сказали самые жестокие и тяжёлые для него слова: «Нет, ничего из Глазкова так и не вышло. Ни настоящего поэта, ни настоящего пьяницы».

Николай Глазков трусит, боится своего рода «общественного мнения». Он сочинил шутейную поэму о том, как поэт Нарочитов насмерть перепил пьяницу Выпивохина. А вдруг воспетый им «Нарочитов» не признает его, Глазкова, за пьяницу?

Настоящее же общественное мнение к пьянству и к пьяницам долгое время относилось удивительно пассивно. До какого-нибудь чрезвычайного происшествия. Неловко, дескать, ставить вопрос о пьянице. Бесчеловечно. Нечутко. А разве лучше равнодушно смотреть, как сбивается с пути, губит свои способности молодой литератор, как его жизнь возле буфетной стойки Центрального дома литераторов превращается в живую пародию на старинное обывательское, богемно-кабацкое представление о поэтах?

Пока человек ещё держится на грани «нормы», иногда говорят: «У нас нет оснований вмешиваться, ещё рано ставить вопрос». А когда человек спился, разложился, говорят: «Случай запущенный, тут уже поздно вмешиваться». И получается, что богемная распущенность нередко встречает не сплошную стену общественного негодования, а гнилой нейтралитет. С этим нелепым нейтралитетом по отношению к последним ископаемым литературной богемы пора кончать. Зарифмованное и незарифмованное питейное шутство заслуживает не уважения, не сожаления, а сурового общественного осуждения.

Александр Лапцис

У меня есть и другие сведения о Глазкове, кроме этого фельетона. Я слышал, что это действительно талантливый человек, известность которого в Москве велика. Глазков настроен скептически по отношению к официальной идеологии некритического, безоговорочного восхваления нашего сегодняшнего дня. Я тоже не принадлежу к слепым фанатикам (таких, по-моему, вообще не бывает), но я верю в безграничную жизнеспособность советского режима. Перед сегодняшней Россией, хороша она или плоха, лежат гигантские перспективы. Таково моё мнение, а Глазков настроен пессимистически. До меня дошёл отрывок из его стихов, которые, кстати, ходят по Москве в списках. Отрывок этот достаточно характеризует Глазкова.

Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый, век необычайный!
Чем он интересней для историка,
Тем для современника печальней.
Посмотри кругом во все бинокли ты.
Ты увидишь — многое неверно.
Из того, что ныне нами проклято,
Семь восьмых благословенно.

Рассказывают, что кто-то из маститых наших литераторов купил за крупную сумму записную книжку Глазкова.

Поэт «Нарочитов», воспетый Глазковым в этой «шутливой поэме», есть не кто иной, как Сергей Сергеевич Наровчатов, выдающийся поэт военных лет. Наровчатов прославился феноменальным пьянством. В Москве его знали все продавщицы, в любом киоске ему отпускали спиртное в кредит. О себе самом он сочинил гордое четверостишие:

От Эльбы до Саратова,
От Волги до Курил
Сергея Наровчатова
Никто не перепил.

В Москве, в литературной среде обращается множество прекрасных стихов, которые никогда не будут напечатаны. Для нынешней казённой прессы они непригодны по своей тематике или по эмоции. Есть грустные, тоскливые и т.д. «Есенинщина!»

Поэт Наровчатов ещё иногда печатается, например, в «Труде». Талантливый поэт Павел Шубин, автор замечательных военных стихов, умер от пьянства. У меня на письменном столе лежит номер «Знамени» за 1947 год с прекрасными стихами Шубина «Москва». В стихотворении есть, например, следующие строки:

Норвежский городок-герой
Ещё не догорел пока.

В каменоломне под горой —
Всё население городка.
У входа — склад германских бомб
И к ним — под током провода,
Чтоб каменный захлопнуть гроб
Над Киркенесом навсегда!
И люди — знают, люди ждут
В предсмертной муке и тоске,
Их тысяч пять собралось тут, —
Живут, а жизнь — на волоске.
Но взрыву быть не довелось,
Германец кнопки не нажал:
Разведчик русский сверху вкось
Всадил в живот ему кинжал.
По городку норвежцы шли
И на руках несли бойцов.
Пусть Киркенес в золе, в пыли,
Он всё же жив, в конце концов!..

Хорошие стихи. Но есть у Шубина и другие, навеянные духом времени, разочарованиями и тайными думами людей «необычайного двадцатого века».

Толкалась очередь у нужника,
Хрипели краны без воды,
Крысиный хвост из-под отдушника
Свисал с сознанием правоты.
А на кровати платье синее
Ледовым пламенем цвело, —
Той необъятною Россиею,
В которой нам не повезло.

[Между прочим, Ткачёв ещё не расстрелян. Видимо, подал кассационное прошение или как это там называется. Но Ворошилов обычно отвечает: «Против закона мы идти не можем». Как правило это ни к чему не ведёт.]

Дописано 27 сент[ября], в понедельник.

27 сентября. Вечером.

Надо кое-что записать и о Большой Жизни. В Китае принята конституция. Международное положение беспокойное: гоминдановцы нападают на Китай, бомбят порты (гл[авным] обр[азом] Амой). В Тайванском проливе находится седьмой флот США. Чжоу Энь-лай заявил, что Тайвань будет китайским. Эта ситуация чревата новым международным конфликтом.

В сентябре на митинге в словенском городе Острожно выступил югославский президент Тито. В политической части своей речи Тито сказал:

— Атлантический пакт, если он имеет какой-либо свой raison d'être [смысл существования], в настоящее время всё больше начинает приобретать политический и идеологический характер, а это означает борьбу против коммунизма. Поэтому для нас неприемлемо то, что нам когда-то внушали, — о необходимости присоединиться к Атлантическому пакту.

В заключение Тито сказал, что политика сотрудничества Югославии со всеми странами нашла своё выражение в недавнем восстановлении отношений с Советским Союзом, Венгрией, Болгарией, Румынией, Албанией, а сейчас и с Чехословакией.

— Может ли и имеет ли кто-либо право осуждать нас сейчас за то, что теперь нам нужна эта нормализация? Неужели вместо этого необходимо и дальше ссориться с ними? Никто не имеет на это права.

Итак, Тито снова становится «своим». Поторопились те, кто вместе с официозной прессой спешил клеймить и бичевать «Иуду» Тито. У Самуила Яковлевича Маршака есть стихи, начинающиеся словами: «Банкиры Уолл-стрита надеялись на Тито. . . » А куда денется глупый Мальцев со своей «Югославской трагедией»? Но что же в действительности произошло в Югославии?

Восемьдесят пять лет исполнилось Марселю Кашену. Восемьдесят лет стукнуло в этом году Черчиллю.

Китайские добровольцы покидают Северную Корею. Во Вьетнаме идёт обмен пленными. 17 сент[ября]. ТАСС опубликовало коротенькое и невнятное сообщение:

«В соответствии с планом научно-исследовательских работ, в последние дни в Советском Союзе было проведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение действия атомного взрыва.

При испытании получены ценные результаты, которые помогут советским учёным и инженерам успешно решать задачи по защите от атомного нападения».

Отклонение французским Национальным Собранием договора о «Европейском оборонительном сообществе» вызвало резкую реакцию на нью-йоркской бирже. Утром 31 августа после открытия биржи курсы акций крупнейших промышленных компаний резко упали, в некоторых случаях падение достигло 3–4 доллара за акцию. «На бирже отмечается нервозность», — заявил один биржевой маклер. Наиболее резко упали акции авиационных компаний «Дуглас эйркрафт компани» и «Боинг эйркрафт компани», концерна Дюпона, «Стандарт ойл компани оф Нью-Джерси» и «Дженерал моторс».

[Писать лень. Завтра еду на уборку в колхоз, по мобилизации. Вернусь, запишу.]

12 октября. Вторник.

Вечер. Сажу за письменным столом, горит настольная лампа. Наконец-то я выбрал момент, чтобы записать кое-что в эту тетрадь.

Я приехал в ночь с субботы на воскресенье. В субботу колхозный шофёр провёл за баранкой весь день: с утра он повёз в Уфу первую группу студентов, затем вернулся за нами. Мы были в деревне Кшаны в Аургазинском районе республики. Деревни Кшаны и Дуртюле (что означает по-башкирски «четыре избы») входят в укрупнённый колхоз имени Маленкова, Кшакинского сельсовета. От колхоза Маленкова до Уфы 85 или 90 километров. Сделать два таких рейса в день довольно утомительно. Поэтому шофёр, поужинав и выпив водки, вёл машину несколько странным образом: он несколько раз останавливал наш грузовик и под различными предлогами вылезал из кабины. Так продолжалось добрую четверть пути. Пока он «заливал масло», мы бранили его в двадцать пять голосов. Подлинная причина остановок была та, что ему нужно было размяться. Он сказал нашему руководителю Комарову, который читает нам лекции по основам марксизма, что у него, шофёра то есть, от постоянного сидения делается запор. Но нам он этого не говорил, а залезал на борт и неуклюже шутил с девчатами. Затем, навёрстывая упущенное время, вновь включал мотор и гнал во-всю. Над головами у нас взошла молодая, почти полная луна. Ледяной ветер морозил нас, и мы отчаянно тряслись в кузове. Мимо проносились деревья, казавшиеся чёрными: при дневном свете их осенний убор пестрит суриком и охрой. Под колёсами, как бешеная, летела нам навстречу шоссе́нная дорога. Шофёр вёл машину со скоростью 60 км в час, и при малейшем неточном движении его руки перегруженная машина полетела бы в кювет. Но шофёр хорошо знал дорогу.

Ох, и холодно же было! Но девчонки ещё пели башкирские и татарские песни, хотя их голоса тряслись, регистрируя все неровности дороги. Я немного попел и бросил, из-за кашля. У задней стенки кузова случайный попутчик, практикант из железнодорожного техникума, забавлял наших девок анекдотами и шутками, типа «Райтаципищеторг» или «контора Заготчутьживсырьё» (вместо «Заготживсырьё»). Анекдот его я приведу для примера:

«Встретились на улице два друга. Давно не видались. — Здравствуй. — Здравствуй. — Ну, как живёшь? — Да вот, работаю слесарем, женился, зарабатываю 650 рублей, еле свожу концы с концами. А ты как живёшь? — Хорошо живу. — Женат? — Холостой. — Где работаешь? — Не работаю. — А на какие же ты средства живёшь? — Двух евреев от войны прячу, они мне деньги платят. — Так война же давно кончилась! — А они у меня в погребе живут, я им не говорю».

— Евреи — это такой народ. . . Они же одним полком три города во время войны захватили: Новосибирск, Алма-Ату и Ташкент. Весь советский народ четыре года брал один город Берлин, а они одни три города взяли. . .

Невесело слушать подобные разговоры.

А грузовик мчится по ночной дороге, пересекая холмистые равнины средней Башкирии. В одном месте густое молоко заливаает дорогу: в свете фар дымится холодный туман, в его белом облаке смутно рисуются проезжающие по сторонам деревья. Становится ещё холоднее. Но через полчаса выезжаем из тумана: ещё около часа, и вот на горизонте загораются первые огни Уфы. Мы подъезжаем к городу с Цыганской Поляны. Блестит масляно-чёрная

река, город на горе весь унизан огнями, они отражаются в реке. Очень красивое зрелище. Дёргается и качается под нами понтонный мост, по которому, замедлив ход, пробирается грузовик. Подъём в гору — знакомая улица — въезжаем во двор института, а отсюда до меня 3 минуты ходьбы. Беру свой чемоданчик и вещевой мешок, быстро шагаю, и вот я дома. Мать, сестра. Тепло, светло. Второй час ночи. Ужиная, просматриваю газеты, читаю два письма: из Харькова и из Ленинграда.

Вот так было дело.

Два дня мы всё «ехали» в колхоз и не могли доехать: сидели во дворе главного здания института на Гоголя, 11, и ждали машины из колхоза. В колхоз приехали, если не ошибаюсь, поздно вечером 30 сент[ября].

Работали мы, ребята, на току и в амбарах. Девчата копали картошку и свёклу.

Мы веяли овёс, пшеницу, рожь и даже лён: лён в большой куче напоминает порошок какао с сахарным песком, а в воздухе, когда его бросаешь лопатой, приобретает красноватый цвет. Зерно это (лён) стоит 400 рублей центнер, как сообщил нам со значительностью завтоком. Заводили маленький движок на деревянной площадочке, надевали приводной ремень на вал моторчика и на шкив веялки, и начинался грохот на весь день: знай подсыпай зерно, отваливай сор, да отгребай провеянное.

Приходилось и разгружать мешки в амбаре: снимешь с телеги трёхпудовый мешочек, несёшь его в объятых, «как лялечку», развязываешь мочальную завязку и высыпашь зерно. Мешки таскать — это хорошая мужская работа.

А вот перелопачивать зерно в амбаре, так нет дела сквернее. Пшеница, если её засыпят в амбар сырую, преет, горит, гниёт: стоишь в этом семенном фонде почти по колено, горячее зерно греет через сапог, гнилая вонь не даёт дышать, едкая пыль забивает горло, и нужно перекидать деревянными лопатами гору зерна. Всё равно этот семенной фонд никуда уже не годится, зерно не взойдёт, его надо обменивать, а государство берёт за обмен 10 %, такой порядок, и это справедливо. Бездельники! Мы работаем, а колхозники приходят посмотреть и поболтать. Вот где сердце разгорается на них презрением и гневом. — Но я зарываюсь вперёд.

Работали мы и при зернопульте. Вот это машина! Валы гремят, вращаются, зерно бьёт дугой, как из пушки, и в трёх-четырёх метрах от машины быстро растёт коническая куча пшеницы. Двое с мётлами обметают эту кучу, четверо должны непрерывно засыпать зерно в бункер, но вчетвером мы еле успевали: надо было стать конвейером, но мы не сообразились и бегали с ведрами-пудовками от непровеянной кучи к зернопульту и обратно. Движок лихорадочно тарахтит, ремень крутится, струя зерна бьёт с адской силой, ведра становятся очень тяжелы, и одежда прилипает к лопаткам. Зато как быстро провеивается зерно! Мы зачистили остатки, затем завтоком выключил мотор, и в наступившей тишине громко сказал: «Молодцы!» Мы закурили и пошли на обеденный перерыв, ещё слегка оглушённые. — Колхозники очень ценят зернопульт, по их словам он «спасает зерно».

А в общем, мы видели в колхозе лень и бесхозяйственность. Колхозники работают плохо, они предпочитают воровать. Воруют открыто, днём, приходят на ток с мешками. Все скромно закрывают на это глаза: семейственность, взаимопонимание. Вот если попадётся на глаза начальству, тогда беда: колхозники со страхом рассказывают, как в недавние годы за кражу нескольких килограмм зерна им давали пять лет исправительных работ. Не знаешь, чему возмущаться: краже или наказанию. И то возмутительно, и это скверно, вот где она диалектика, в самой гуще жизни. Кто прав, кто виноват? Обе стороны и правы, и виноваты, но всё же, мне кажется, тюрьмой и каторгой не привить коммунистических отношений, оно придёт лишь с изменением производственных отношений. А разве не воруют все кругом в России? Крадут рабочие на заводах разные металлические части, годные в домашнем хозяйстве, или фонари. Директора магазинов, добыв чистые ярлыки — незаконно, мошеннически — и написав на них: «Первый сорт», продают второсортные одеяла. Они получают огромную прибыль, а в случае суда попадают в тюрьму на 3 года (хотя, быть может, с конфискацией имущества). А разве не воры писатели, которые за одну неплохую книжку и пару-другую халтурных книжонок годами живут «на ренту», строят дачи «за голубым забором» или пьянствуют в шикарных ресторанах Москвы? Авторское право унаследовано от капитализма, и тысячу раз прав Валентин Овечкин, предлагая его изменить. Есть и почётный вид «хищения социалистической собственности»: появились научные учреждения, играющие роль паразитов на теле страны. Все их труды сводятся к популярным статьям в газетах. Наш Башкирский филиал Академии Наук СССР — настоящие трутни. Что он делает для науки? Ничего.

13 октября. (Продолжение).

Вообще пора кончать с колхозами — такое складывается мнение. Превратить их все в совхозы. Но правительство другого мнения. Маленков спасает колхозный строй. Этим летом и осенью правительство оказало колхозам огромную помощь: деньгами, оборудованием и главное — людьми. Целый месяц во всех концах страны на уборке урожая в колхозах и совхозах работали студенты вузов и учащиеся техникумов. Они работали, а колхозники, главным образом, наблюдали. В иных местах студенты работали весь день, с восхода до заката, два часа на обед, а колхозники выходили на поле в 11, уходили в 5–6, те же два часа на обед, и говорили студентам: «Приехали работать, так и работайте». Были случаи, когда колхозницы высмеивали «городских помощников».

Воровство — вот основа жизни колхозника. Воруют лес, например, а поймает объездчик, платишь ему без возражений 100–150 рублей и забираешь порубленное. Дойдёт дело до суда, так присудят штраф от 500 до 1000 рублей. Воруют все. Председатели колхозов либо пьянствуют, либо воруют. Я, конечно, не говорю, что нет хороших председателей. Нет! Несомненно большинство председателей честные люди, но очень многие живут по такому плану: беспощадно жми и дави колхозников, железно в срок выполняй графики и планы, районное начальство будет довольно, а там пока что втихомолку можно и дом себе построить за колхозный счёт, и железом его покрыть, и свезти кое-что в город на рынок,

пользуясь колхозной машиной, загнать на рынке кое-какие продукты сельского хозяйства, выписанные с колхозного склада по государственной цене, разницу положить в карман — а она весьма крупная.

Вот наш председатель колхоза, Гилезетдинов, низенький жирный человек в сапогах, синей шинели и зелёной военной фуражке. Он целыми днями сидит у себя в правлении, а вечером приходит в колхозный радиоузел и обращается к колхозникам по радио с дневной сводкой об уборке. Он кормил нас картошкой, молоком и капустой, а насчёт мяса сказал так: «Свинью бы вам зарезал, хозяйки варить не станут, баранов нет, а конину есть не будете». — «Будем!» — ответили мы, боясь остаться ни с чем. И получили конину. В первый раз нам зарезали самую старую клячу, во второй раз — четырёхлетнюю лошадь. У этого самого хитреца-председателя, экономившего на питании своих же бесплатных работников, гниёт семенная пшеница, а картошку засыпают в ямы сырую, она тоже будет гнить. Сельскохозяйственная техника, все эти плуги и бороны, в которых я, честно говоря, ничего не разбираюсь, стоят рядами на травке под открытым небом и покрываются ржавчиной. Они простоят под снегом всю зиму. Наши студенты-крестьяне сказали мне, что эта техника служит не более двух лет. Такое отношение к орудиям своего труда напоминает древнеримских рабов, которым нельзя было дать в руки никакого более или менее ценного и сложного орудия, т.к. небрежное, незаинтересованное, обращение рабов с орудием губило и портило его. Но это же в двадцатом веке и в Советском Союзе!

А что, собственно говоря, в Советском Союзе? «Самое передовое в мире, высоко механизированное, социалистическое сельское хозяйство?» Пустая фраза газетных писак! В Америке говорят: «Не верь тому, что написано в газете». Это же можно отнести к нашей прессе. «Самое передовое»? Да, был Мичурин, был Лысенко (который занёсся и был свергнут со своего престола), теперь есть Терентий Мальцев, который учит учёных. Несомненные успехи нашей биологии и агрономической науки. Но это одна сторона. Наряду с богатыми колхозами всюду есть бедные, их, пожалуй, больше. Основная масса колхозов — неразвитое, среднее по продуктивности хозяйство. Я слышал такие данные: на первом месте в мире по урожайности с гектара стоит Китай, затем Египет, на третьем США, далее следуют разные страны, в том числе Индия, Германия — наш Советский Союз в этом списке числится на 20-м месте в мире. Вот оно, передовое-то! Нас тянет назад отсталость большинства. Нет, колхозы — это ещё даже не социализм, это только переход от капитализма к социализму.

Крестьянская масса не слишком охотно приняла колхозный строй. Тёмные, неграмотные мужики, горя за стаканом самогонки о тяжёлой крестьянской доле, рассказывали друг другу во время войны о происхождении колхозов. Когда Ленин умирал, — говорили они, — Сталин наклонился к нему и спросил: «Как же нам дальше без тебя быть, что с землёй делать?» А Ленин уже отходил, из последних сил ответил: «Как хошь». Сталину послышалось «колхоз», он взял и сделал колхозы.

Это не анекдот.

Так ли высоко механизировано наше сельское хозяйство?

У нас есть сельхозмашины всех видов, но их далеко ещё недостаточно. В колхозах не хватает автомашин, из-за них идёт настоящая война. На заводе выпускается грузовик, он уже закуплен и на нём надписывают, какой колхоз его закупил, а по дороге его перехватывает другой колхоз. — Крестьяне варварски обращаются с техникой. Это, конечно, тоже не относится огульно ко всем, но это очень часто.

Многое ещё можно написать по этому поводу, короче сказать одно: у большинства народа складывается отрицательное отношение к колхозам. Им — не жить. Ещё Сталин в «Экономических проблемах» поставил вопрос о повсеместной замене колхозов — совхозами. К этому идёт дело. Укрупнение колхозов, не доведённое до конца из-за недовольства крестьян, было шагом в этом направлении. А на огромных просторах осваиваемых сейчас целинных и залежных земель создаются почти только одни совхозы.

В одной харьковской столовой я видел летом плакат, которого в Уфе не встречал: из двери проезжающего железнодорожного вагона смотрит развевающийся молодой человек; он расставил ноги, поднял руку, галстук и волосы — по ветру, в фигуре порыв. Подпись: «Едем с нами на целинные земли!»

Кстати, о целинных землях. . .

На призыв развевающегося молодого человека откликнулись многие, и даже не те, кого нужно. Испытать новое поле деятельности решили и шулера, бандиты, воры. Запись желающих не была обставлена слишком строгими формальностями. На целине преступного элемента оказалось больше, чем ожидали. Всю зиму 1953.1954 годов на целине, скучая от безделья, гуляла и пьянствовала молодёжь. Все между собой переженились — или обшлись без женитьбы.

О себе. Минувшим летом я чуть было не влюбился в одну замечательно красивую девчонку — Свету Чернышову. Во время остановился. У неё взбалмошный характер, страшное самолюбие; избалована и горда. Ребята её не уважают, девчата шепчутся о ней. Света осталась на второй год в девятом классе 45-й школы. Другой такой я не видал, красива — очень. В своём роде она единственна. Её милое личико и женственная, прекрасно сформированная фигура ещё надолго останутся у меня в голове.

В сентябре я достал роман Достоевского «Бесы». Книжка довольно мутная, но вообще Достоевского я глубоко ценю как художника. Теперь его очень мало издают, и это вполне понятно.

Прочитал я в журнале «Знамя» хорошую повесть Николая Чуковского «Балтийское небо» — о лётчиках, защищавший осаждённый Ленинград. В журнале «Театр» прочёл пьесу талантливого драматурга Арбузова «Годы странствий». Сам пишу сейчас не то рассказ, не то повесть — очередной opus с неизменной любовной парой и любовным конфликтом.

Вскоре после моего возвращения из Харькова умерла мать Саши Руденко, и я участвовал в похоронах, нёс (переменно с другими ребятами) крышку гроба.

Перед отъездом в колхоз я посмотрел первую серию фильма «Бродяга», теперь в воскресенье ходил на вторую серию. Пришлось взять билеты на 11.30 вечера, добавочный сеанс, такое стечение народа на этот фильм. Я не ожидал от индусов такой силы.

Радж Капур — продюсер, режиссёр и исполнитель главной роли, роли бродяги Раджа, сына судьи Рагуната. Он играет великолепно, хотя его реализм носит чисто восточный, ярко эмоциональный характер. Григорий Рошаль писал о Радже Капуре в газетной статье, что в разнообразных походках, в обаятельном изображении маленького человека артист напоминает Чарли Чаплина, а по своему темпераменту, блеску, по сенам драк похож на Дугласа Фербенкса. Радж Капур — прекрасный артист.

Роль его возлюбленной Риты играет Наргис. Великолепен господин Рагунат, человек страстный и болезненно самолюбивый. Его горькое лицо, напоминающее трагическую маску античного театра, его сутуловатая фигура и одинокая трагическая походка надолго врезаются в память. Сильное и гадливое чувство вызывает бандит Джагга. В целом фильм хорош, хотя есть в нём чисто внешние эффекты, наивные приёмы. Теперь мы с нетерпением ждём два других индийских фильма: «Ураган» и «Два бигха земли». Они пользуются громадным успехом в Москве.

В столице была в моде весной этого года пластинка под названием «Гитана». Теперь увлекаются песенками «Левкой» и «Жду тебя». Последнюю исполняет, если не ошибаюсь, Ружена Сикора.

Позавчера по радио передано сообщение о переговорах с Китаем и о нескольких политических и экономических соглашениях с китайским правительством. Эти соглашения по существу обозначают, что СССР и Китай начинают объединяться в настоящую федерацию. Китайцы — самые верные наши друзья и лучшие союзники. В советских лётных училищах обучаются лётному мастерству молодые люди из всех стран народной демократии, но на реактивных самолётах, на «Мигах» («Миг-9» — кажется, так называется машина с турбокомпрессорным реактивным двигателем) допускают летать только советских курсантов, а из всех «иностранцев» — только китайцев и корейцев. В Свердловском училище были венгры, очень оскорблявшиеся этим «недоверием». Они держались обособленно, в столовой с презрением отзывались о русской еде, про гречневую кашу говорили — «мы этим кормим свиней». На выпускном вечере один венгр, выступая от имени венгерского землячества, сказал в своей речи: «Но ничего, мы с вами ещё встретимся в воздухе». — «Встретимся, и от тебя ничего не останется», — откликнулся голос из аудитории.

Хороша дружба! Шурка Охотников рассказывал мне, что им, московским студентам, случается драться с румынами из-за девушек. Несмотря на все газетные поцелуи, русских очень не любят поляки. Даже среди нагих друзей чехов встречается враждебное отношение к нашим людям. Болгары — те роднее, очень хороши с нами албанцы. Немцы ненадёжные друзья, они ясно показали это 17 июня прошлого года. Лучше всех — китайцы, эти для нас родные братья. Китай из всего демократического лагеря самая революционная страна, а прочих мы тянем в социализм почти насильно.

О сближении с Китаем говорят самые различные детали. Позавчера сообщили, что мы отдаём им Порт-Артур в полное владение. Новая железная дорога соединит Алма-Ату с Китаем через Улан-Батор. Мы увеличиваем кредиты Китаю и поставки оборудования сверх условленного, строим новые заводы кроме тех, что обусловлены в договоре.

Наша дружба с Китаем освящена традицией. Китайцы сражались в России во время гражданской войны на стороне красных, это широко отражено в русской литературе: «Бронепоезд 14–69» Всеволода Иванова, «Как закалялась сталь» Островского. Упоминает об этом и Григорий Мелехов в «Тихом Доне». Ленин и Сун Ят-сен были братьями по духу, хотя по тогдашним китайским условиям Сун Ят-сен не мог подняться до революционности коммунистической. На всём протяжении китайской революции мы горячо сочувствовали ей, следили за всеми перипетиями бесконечной гражданской войны. В Москве шёл фильм «Красные дьяволята» — о революционных разведчиках, китайских мальчишках. Сталин на съездах партии говорил о перспективах китайской революции. После 1949 г[ода] мы немедленно вступили в союз с молодой республикой и стали оказывать ей помощь. Теперь политическое, экономическое и духовное братство СССР и Китая растёт с каждым днём. Экспресс Москва—Пекин. Китайские артисты в Москве. Советские баскетболисты в Китае. Китайская выставка в Москве (я видел её в цветной кинохронике). А вчера в газете «Советская торговля» от 7 октября 1954 года я нашёл следующее объявление.

Национальные
китайские
блюда
бульон с трепангами,
бульон с акульими плавниками,
утка по-пекински,
фаршированные грибы сянгю,
тушёные креветки
и другие китайские кушанья
в ресторане
«ПЕКИН»
Мосресторантреста
в Центральном парке культуры
и отдыха им[ени] Горького.
Ресторан открыт с 13 до 24 часов.

СССР, Китай и Индия в прочном союзе станут непобедимой силой.

17 октября. Воскресенье. Под 25 сентября, в длинной лекции о вреде алкоголя я неправильно записал стихи Павла Шубина. Теперь привожу его полностью:

Гуляла вьюга-именинница
По всем задворкам и дворам.
С утра полночная гостиница

Сдавалась хмурым вечерам.
Толкалась очередь у нужника,
Хрипели краны без воды,
Крысиный хвост из-за отдушника
Свисал с сознанием правоты.
А всё ж я ни на что не сетую,
Благословляя в сотый раз
Окно, закрытое газетою,
Кровати ржавый тарантас.
А на кровати платье синее
Всю ледяную ночь цвело
Той необъятною Россиею,
В которой нам не повезло.

Это настоящие подпольные стихи, потому что они читаются и распространяются из-под полы. Их нигде не печатают, а вот стихи Константина Симонова, которые он написал на фронте, узнав об измене Вали Серовой, печатались в одной фронтовой газете. В этих стихах, которые Симонов читал бойцам на фронте, есть пропитанные гневом и болью строки:

В стихотворенье «Жди меня»
Презервативы завернула.

Во время войны писатели и журналисты хорошо проявили себя. Военные годы были расцветом творчества Симонова. Погиб в боях Гайдар (да и многие другие писатели и поэты). Шолохов находился на фронте. Сергей Борзенко первым вступил в какой-то освобождаемый город (за что, единственный из журналистов, получил звание Героя Советского Союза), как об этом поётся в «Песне военных корреспондентов»:

На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми врывались в города.

А после войны им остались боевые раны, гордые воспоминания, большая внутренняя усталость да приобретённый на войне алкоголизм.

В последнее время Валентин Овечкин, напечатав статью в «Литературной газете», поднял вопрос о том, что писатели получают слишком большие деньги. По этому поводу я слышал такое *mot en vogue*: «Зажрались!» И действительно, зажрались. В Москве расплодилось множество всякого рода паразитов, которые кормятся при советской культуре. Об этом очень любопытные вещи рассказываются в одном фельетоне. . .

18 октября. Фельетон Юрия Чаплыгина «У золотой жилы», в газете «Правда», 15 октября 1954 г. Я выписываю первую половину его.

«Человек, одетый в удивительно длинный тёмный пиджак и удивительно узкие светлые брюки, рассеянной походкой скучающего туриста вошёл в подъезд небольшого учреждения, размещённого в Лаврушинском переулке, 17/19, — Всесоюзного управления по охране авторских прав. Швейцар, облачённый в щедро расшитую золотыми галунами и позументами униформу, особенно почтительно распахнул перед ним дверь и осторожно, будто принимая на хранение редкое сокровище, взял из его рук ладную шляпу.

Когда вскоре посетитель выходил из кассы управления, несколько человек, стоявших в вестибюле, обменялись репликами:

— Тот самый! Человек редкой удачи!

Роскошный незнакомец не обратил никакого внимания ни на преувеличенную любезность швейцара, ни на шёпот за его спиной — он, видимо уже привык к славе. Да, он давно уже смотрит на мир устало-снихождительным взглядом. Периферийные режиссёры приезжают к нему на квартиру, и он принимает их в халате, давая понять, что он не собирается особенно церемониться с частыми гостями. Самых почётных клиентов он поит чаем и с улыбкой показывает им красивые корешки книг, которые он собирает для солидности, но никогда не читает, и рассказывает гостям «модные» анекдоты из жизни известных писателей.

— Наверное, это выдающийся драматург? — осведомляются непосвящённые.

Нет, он вовсе не выдающийся. И он так мало пишет, что его даже с натяжкой трудно назвать писателем. В анкетах он называет себя переводчиком. — Ах, так? Значит, он блестяще знает языки? — Нет, он не знает ни одного иностранного языка. Впрочем, и с языком русским он не совсем в ладу. Он переводчик-делец. Его творческий метод не сложен. Он выкапывает в архиве или на запылённой дальней полке библиотеки старую пьесу или либретто оперетты, написанную на одном из иностранных языков. Затем он даёт пьесу для перевода скромной преподавательнице английского или немецкого языка или юному студенту вуза. После этого «драматург» добавляет к подстрочнику то, что он называет литературным лоском, — несколько дешёвых каламбуров из числа слышанных в детстве от клоунов-буфф, несколько мелодраматических фраз из прочтённого тайком в школьные годы бульварного романа «Пещера Лейхтвейса».

По существу это нельзя назвать творчеством. Но за свои незамысловатые труды человек с устало-снихождительным взглядом получает такие огромные гонорары, какие не снились самым тонким мастерам, создателям удивительных шедевров.

Таких недобросовестных дельцов сравнительно немного. Но зато они постоянные гости в доме в Лаврушинском переулке. И беда не столько в них самих — их, казалось бы, нетрудно обуздать, но беда в том, что расточительность и недобросовестность поощряются в какой-то степени положением об авторском праве. Параграф четвёртый основ авторских прав прямо-таки подчёркивает, что произведение следует защищать независимо от его достоинства.

Управление по охране авторских прав охраняет почему-то нелепые традиции. Они похожи на традиции золотоискателей Клондайка и Калифорнии. Это своеобразный культ случайного «фарта». Люди, не имеющие литературных заслуг, подчас нападают на золотую жилу. Среди них есть и вполне честные труженики, но чудесное их обогащение выглядит фантастически. Н. К. Константинова получила за перевод пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион» больше миллиона рублей¹. Может быть, Н. К. Константинова написала пьесу заново, затмив Бернарда Шоу и только из великодушия оставив его имя на афише? Нет. Налицо обычный добросовестный перевод, и только. И этот перевод никто не считает образцовым. Не случайно в вышедшем недавно однотомнике Бернарда Шоу «Пигмалион» дан в переводе другого автора.

Н. Д. Волков обрёл за инсценировку одной «Анны Карениной» такую гигантскую сумму, какая не снилась и десяти первоклассным драматургам. Н. Д. Волков — уважаемый театральный деятель, но и он, разумеется, не будет утверждать, что превзошёл Льва Толстого.

Сценаристу Желябужскому только за один год выплачена за инсценировку «Овода» такая сумма, о какой и не мечтала автор романа «Овод» Войнич. Желябужскому не пришлось дорисовывать образов, сделанных покойной писательницей. Он просто использовал литературное наследство. Но почему инсценировщик должен стать столь богатым наследником?

В чём же тут дело? А в том, что за переводы пьес и инсценировки романов авторы их получают такой же процент со сбора в театрах, как и драматург, создавший оригинальную пьесу. . . »

Далее менее интересно.

В вопросе о чрезмерных доходах литераторов, о золотом дожде гонораров мнение Валентина Овечкина разделяет Шолохов.

19 октября. Сегодня на лекциях я читал «Посмертные записки Пиквикского клуба» и давился от смеха. Какая чудесная жизнерадостная книга! Сколько в ней веры в человека!

Милый Пиквик! Славный Сэм Уэлер, с его тяжеловатым английским юмором!

«Нет, нет, регулярная очередь, как говорил Джек Кеч, вздёргивая людей на виселицу».

«Какого дьявола вам нужно? — сказал человек, когда ему явилось привидение».

«Выкладывай да поживее, как сказал отец сыну, когда тот проглотил фардинг».

«Ну-с, джентльмены, «накидывайтесь», как сказали англичане французам, когда прикнули штыки».

23 октября 1954 года.

Журнал «Венгрия» № 6 за 1954 год.

Корреспонденция «В летний вечер».

Удивительно благоприятное географическое положение Будапешта, в сочетании с большой рекой, представляет полуторамиллионному населению столицы массу возможностей

¹Ей, действительно, сказочно повезло. Пьеса понравилась зрителю и несколько лет шла на сцене советских театров (в том числе и в Уфе). Она и сейчас ещё не вполне сошла.

отдыха, приятного времяпрепровождения и развлечений. Наряду с горами и лесами, окружающими город, с обилием целебных источников, со множеством парков и садов, местом отдыха будапештцев является и красавец Дунай. У мостов и набережных в сосредоточенном молчании, ожидая счастья, сидят над рекой рыболовы. . . Мимо острова Маргит группами и в одиночку проносятся гребцы-спортсмены, далеко разносятся команды рулевых восьмёрок. А после заката, под звуки музыки, как сказочный белый лебедь-великан, освещённый множеством лампочек и лампионов, медленно выплывает вечерний экскурсионный пароход. . . Захватывающее, приковывающее к себе внимание зрелище. . .

Экскурсия на пароходе является одним из излюбленных развлечений будапештцев. Здесь можно отлично провести время — отдохнуть от суеты и шума города, повеселиться, потанцевать или просто поужинать.

Пароход «Свобода», действительно напоминающий своими очертаниями лебедя, один из лучших дунайских пароходов, как только наступает вечер выходит из пештского порта. Матросы, одетые в белоснежную форму, ловко поднимают якорь, сбрасывают концы в воду и пароход медленно отчаливает. Звучит музыка. . . Слышатся весёлые шутки, смех. . . Очарование дивного вечера гармонирует с приподнятым праздничным настроением.

Пароход медленно направляется к северу. Сколько всего можно увидеть с палубы! Крепость Буда с недавно реставрированной ронделлой эпохи средневековья, бастионами, башнями выглядит в последних лучах заходящего солнца как огромные, живые декорации какой-то исторической драмы. За ним — венец гор Буда, пропадающий в сумерках; на склонах горы Свободы сверкают огни вилл, а на вершине горы Янош, как алмазная игла, приколота к небу, сверкает освещённый бельведер. Когда пароход подходит к острову Маргит, виден лежащий напротив него Розовый холм, один из прекраснейших районов Будапешта, и среди вековых зелёных деревьев турецкий надгробный памятник отца роз, Гюль Баба.

У острова Маргит на танцевальную музыку парохода отвечают мелодии танцев с острова. Музыка слышится из ресторана «Касино», из сада Гранд-отеля на северном конце острова. На правом берегу старый квартал столицы — Обуда молчит, только иногда раздаётся звон колоколов старинных церквей. У моста имени Сталина пароход оставляет позади центральную часть Будапешта. В воде отражается голубое пламя сварочных пистолетов — это Обудский судостроительный завод. На другом берегу высятся трубы и мачты Уйпештского порта. Река расширяется, пароход подходит к Аквинкуму, развалинам старинного римского лагеря. Ивы окаймляют побережье, называемое Римской набережной. Всюду множество плотов-причалов. На берегу — красные, зелёные, белые, жёлтые домики, лодочные гаражи, маленькие рестораны — это огромная спортивная база Будапешта.

Пароход доходит до границы Будапешта, до нижней оконечности огромного Сентэндрейского острова. Отсюда можно увидеть горы Пимии, огни далёких деревень. Здесь пароход разворачивается и направляется обратно. Перед пассажирами открывается чудесная панорама. . . Издали кажется, что Будапешт плывёт навстречу. Миллионы ламп большого города

отражаются на небе огромным куполом. В реке хорошо видны характерные пункты: гора Геллерт со старинной военной крепостью Цитаделью и статуей Свободы, огромное здание Парламента, башни церквей Буды.

Медленно работают машины, пароход тихо скользит вниз по реке. Вот и пристань. . . Слышатся отрывистые слова команды, и пароход причаливает.

Под те же весёлые звуки оркестра пассажиры по мосткам сходят на берег и растекаются по всем направлениям, унося с собой бодрое чувство хорошо проведённого вечера.

Я сохранил при переписке все ошибки стиля и правописания. Писал, конечно, мадьяр. «Свобода» по-венгерски «Sétahajó», это явствует из приложенного фото.

«Венгрия» — ежемесячный журнал, который выходит в Будапеште на русском и английском языках. Он иллюстрируется цветными фотографиями и рекламирует всё, чем могут гордиться венгры: кровных лошадей, венгерских футболистов, старинные замки, знаменитую «цыганскую» (ресторанную) музыку в исполнении виртуозов-скрипачей, венгерскую архитектуру, венгерских артистов и т.д.

Среди этой всякой всячины я отыскал интересную заметку о пароходных прогулках по Дунаю, сопровождаемую фотографиями танцев на корабле, влюблённых парочек у фальш-борта, ресторанных столиков на палубе и т.д. Мне захотелось почему-то приложить её к дневнику.

31 октября. Воскресенье.

Перечитываю Есенина, вдыхаю аромат двадцатых годов, постигаю всю боль и всё своеобразие этого удивительного времени. В журнале «Вестник знания» за 1926 год, № 1, под свежим впечатлением трагического события в отеле «Англетер» Августа Рашковская писала в статье

«Сергей Есенин
(1895 — 1925)

. . . Догорит золотистым пламенем
Из телесного воску свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

Есенин.

Голос Есенина впервые прозвучал в канунный шестнадцатый год. В душевной и напряжённой атмосфере умирающего символизма и бурных крайностей футуристов — простые звуки Есенинских песен были как прикосновение ветра с весенних полей. Они пленяли своей гармоничной простотой, яркой чисто-народной образностью, захватывающим лиризмом. Казалось, что Есенин стоит вне всяких литературных книжных традиций, что просто с земли поднимает он свои, расцветающие поэзией строки. . . »

Далее Августа Рашковская говорит о церковности и религиозности первого периода в образах Есенина.

... И вызванивают в чашки
Ивы, кроткие монашки. . .

Или:

... Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа. . .

«Первая книжка Есенина — «Радуница» (1916 г.) За ней появились: «Голубень», «Преображение», «Трерядница», «Пугачов» и совсем недавно его последняя книга «Москва кабацкая».

Стадии его творческого пути были неожиданны и резко изломаны. Мы знаем этого голубоглазого кудрявого поэта, в котором там много духа — «гуляжи праздного»; по страницам перечитываем его беспутную и прекрасную, сгоревшую свечою — жизнь¹.

Мы знаем его родину и его широкую любовь к ней, мы знаем пейзажи его родной деревни, его дом, все уютные подробности крестьянской хаты:

... Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз. . .

Вот его мать:

Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко. . .

Город вошёл в его стихи, прежде всего мотивами тоски о покинутых родных полях, мотивами, проходящими сквозь всё его творчество.

... Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа. . .

Город обернулся своею тёмной стороною к поэту. Острее выдвинулись темы хулиганства, разгула, разбоя, бродяжничества, вместе с волнующим и нарастающим сознанием своей поэтической власти и долга.

Русь моя! Деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.
Я последний поэт деревни. . .

¹ Вот забавно, в те годы, подражая Горькому, писали тире где нужно и где не нужно. Даже пунктуация передаёт дух эпохи.

Есенин образовал² литературную группу — «имажинистов», принял революцию, облёк стих в выдержанные, строгие формы.

Предположительно 1 ноября 1954 года <Начало записи отсутствует.>

жение в произведениях Грина.

Александр Грин¹, павший жертвой атаки на космополитизм в сороковых годах, был просто ярким выразителем романтики того времени. Какой он космополит? Тогда не стоял вообще вопрос о космополитизме, никто не воспринимал англо-саксонскую экзотику Грина так всерьёз, как восприняли её наши литературные вожди в момент предельного обострения международного положения, в минуту, когда англо-саксы превратились в наших почти несомненных врагов. Романтизм Александра Грина вполне созвучен романтизму Алексея Толстого? От «Бегущей по волнам» один шаг до «Аэлиты». Правда, Толстой в самых бредовых своих видениях надевал на фантазию толстую дерюгу реалистического метода, он ещё стоял на материалистической почве, хотя «солнце романтизма» столь сильно тянуло его к себе, что порою подошвы отрывались от земли. Грин же сделал решительный шаг, и его фантазия оказалась на почве мистицизма, телепатии, предопределения и прочей идеалистической дряни, а метод Грина сделался субъективно-метафизическим. Не помню кто метко назвал Грина талантливым эпигоном Гофмана и Эдгара По, подражающим в то же время «современным» писателям английских детективных романов. Грин не в праве претендовать на имя русского писателя. Пользуясь широкой популярностью бульварно-приключенческих романов Запада, он в единственном лице представил этот жанр на русской литературной ниве и даже несколько украсил его. Стил Грина подчас очень красив. Куприн назвал язык Грина «золотым и весёлым».

Я хочу выписать несколько кусков из лежащей передо мной книги «Бегущая по холмам». Вот первый отрывок:

«Я спал в комнате, о которой упоминал, что её стена, обращённая к морю, была, по существу, огромным окном. Оно шло от потолочного карниза до рамы в полу, а по сторонам на фут не достигало стен. Его створки можно было раздвинуть так, что стёкла скрывались. За окном, внизу, был узкий выступ, засаженный цветами.

Я проснулся при таком положении восходящего над чертой моря солнца, когда его лучи проходили внутрь комнаты вместе с отражением волн, сыпавшихся на экране задней стены.

На потолке и стенах неслись танцы солнечных привидений. Вихрь золотой сети сиял таинственными рисунками. Лучистые веера, скачущие овалы и кидаящиеся из угла в угол огневые черты были, как полёт в стены стремительной золотой стаи, видимой лишь в момент прикосновения к плоскости. Эти пёстрые ковры солнечных фей, мечущийся трепет которых, не прекращая ни на мгновение ткать ослепительный арабеск, достиг неистовой быстроты, — были везде — вокруг, под ногами, над головой. Невидимая рука чертила странные письмена, понять значение которых было нельзя, как в музыке,

²Конечно, ничего он не образовывал: его «образовали».

¹Александр Степанович Гриневский (1880 — 1932).

когда она говорит. Комната ожила. Казалось, не устоя перед нашествием отскакивающего с воды солнца, она — вот-вот — начнёт тихо кружиться. Даже на моих руках и коленях беспрерывно соскальзывали яркие пятна. Всё это менялось неуловимо, как будто в встряхиваемой искристой сети билась прозрачные мотыльки. Я был очарован и неподвижно сидел среди голубого света моря и золотого — по комнате. Мне было отраднo».

Портрет Фрези Грант, Бегущей по волнам:

«Правильное, почти круглое лицо с красивой нежной улыбкой было полно прелестной, нервной игры, выражавшей в данный момент, что она забавляется моим возрастающим изумлением. Но в её чёрных глазах стояла неподвижная точка; глаза, если присмотреться к ним, вносили впечатление грозного и томительного упорства; необъяснимую сжатость, молчание, — большее, чем молчание сжатых губ. В чёрных её волосах блестел жемчуг гребней. Кружевное платье, оттенка слоновой кости, с открытыми, гибкими плечами, так же безупречно белыми, как лицо, легло вокруг стана широким опрокинутым веером, из пены которого выступила, покачиваясь, маленькая нога в золотой туфельке».

Замечательно написан случай во время карнавала в Гель-Гью в главе XXXIII, но мне некогда извлекать эту историю покушения на памятник. Словом, в двадцатые годы, которые были так заполнены мятущимися и тревожными сердцами, в годы, знавшие столько тоски и метаний, «Бегущая по волнам» приплась как нельзя более кстати: это была обманчивая мечта, врачевавшая слабые души.

Да, Грин был больше, чем бульварно-детективным романистом, а крики об его космополитизме — глупость. Как тоскует читатель, как хочется простым людям открыть золотую книгу чудесных грёз и мечтаний! Опасно, если книгу грёз открывает людям человек, у которого лишь острый ум и ловкая рука, но нет веры в будущее. Его мечты уведут в царство теней. Это нам не нужно.

«Лучшие» вещи написаны Грином в период 1920 — 1928 гг. Среди них самое популярное его произведение — феерия «Алые паруса».

Люди хотят мечтать, дайте им мечту! Грин дал её. Видите, что происходит, когда художественному творчеству ставят искусственные границы? Областями, не вошедшие в эти границы, завладевают чужие. Если есть вера в будущее, надо экспериментировать на самом широком фронте, пытаться создать золотую книгу без ятя и ера, книгу, написанную целиком по-советски, но с мечтами, с чудесными грёзами.

К «Бегущей по волнам» Грин поставил эпиграф:

«Это Дезирада...»

*О, Дезирада, как мало мы обрадовались тебе,
когда из моря выросли твои склоны, поросшие манцениловыми лесами.*

Л. Шадурн.»

Луи Шадурн — автор экзотических описаний, созвучных романтизму Грина. В 5-м номере «Вестника знания» за 1926г. приводится небольшая глава из книги Л. Шадурна «Где

рождаются циклопы», изображающей «современную» Южную Америку и острова Карибского моря. Вот эта глава:

«Мартиника! Мартиника! Шоффер-негр. Дороги с резкими поворотами и крутыми подъёмами. Опять опьяняющая скорость и волны благоуханий в лицо. Овраги, заросшие зеленью, гигантские деревья, обвитые лианами! Склоны, покрытые лесом, пальмы, бананы в несколько стволов, манцилиловые и хлебные деревья, древовидные папоротники! Растительность всем завладела, она карабкается повсюду. Покачиваются чудовищные листья.

Из скал бьют горячие ключи, падая дымящимися каскадами. Красный «волчий хвост», орхидеи, похожие на лампочки в тёмной зелени.

Дорога постепенно углубляется в зелёный туннель с застывшим воздухом, полным напоённым запахом тёплой, дымящейся земли.

Вот Мон-Пеле¹, окутанный туманом, придающим мрачный оттенок всему пейзажу. Густая туча напоминает о подземных силах. Скоро берег, где находился разрушенный город, покроется зеленью; выше склоны, покрытые потрескавшейся лавой, а ещё выше — тёмная вершина смертоносной горы. В глубине этой земли чувствуется kloкотание. Неистощимая растительность выходит из этой минированной почвы. Всё ущелье засыпано цветами; ветви деревьев углубляются в землю и пускают в ней корни. И всюду дымящиеся источники. И везде это страшное, подавляющее впечатление, эти постоянные призраки опасности!

Возвращение в сумерках, в полумраке, — словно при затмении солнца, предвещающем землетрясение.

Но вот среди зелени, в тижинах зажигаются яркие огоньки; как искорки, блестят светлячки на деревьях и кустах. Видна освещённая веранда: полулёжа, отдыхает женщина, мужчина читает. Аромат растений проникает со всех сторон в открытые дома. Тяжело повисли блестящие цветы.

Ночь опускается на предместья. Пёстрая толпа негритянок, повязанных яркими платками, с ношей на голове и с корзинками фруктов; ребятишки-негры с глянцевыми ногами, мужчины — в белых одеждах, мулатки в развевающихся муслиновых платьях, — целый мир всех оттенков розового и жёлтого цвета, наполняющий узкие улицы с низкими домами, окаймлёнными зелёными изгородями, листья растений при вечернем освещении кажутся пурпурными; красное солнце садится за чёрной металлической гладью озера, и на прозрачном небе вырисовываются толстые ветви какого-то дерева, похожие на огромных пресмыкающихся.

Кажется, что видишь всё это во сне, под влиянием опиума. Вдыхаешь полной грудью ароматы. И тут же этот ужасный чёрный демон (шоффер), со своим гудком, глухим и раздирающим, как рёв хищного зверя.

Вспоминаются Цейлон и Китай. Чувствуешь громадное, лихорадочное наслаждение. После гибели Сен-Пьера семьи потерпевших долгое время получали вспомоществование.

¹Вулкан, знаменитый своим извержением, во время которого погиб город Сен-Пьер, если не ошибаюсь, в 1902 г.

Благодарные чёрные окрестили смертоносную и в то же время питавшую их гору прозвищем «Дядя Вулкан».

Мартиника! Мартиника!

Стиль-то каков, бу-ха-ха! Типичный отрывочек из литературы 20-х годов. В такие моменты я чувствую, что на мгновение схватил за хвост кобылу Истории.

1 ноября 1954 года, 6 часов вечера.

Приближается праздник 7 ноября. Обо всём, связанном с ним, запишу на первых страницах новой тетради. За праздником последует съезд писателей. Это будет дьявольски интересно.

Без даты

Париж в 1954 году. (По очерку А. Софронова).

Париж!

Шумный, как и в каждом городе, перрон. Толпы людей. Мелькают в воздухе цветы. Носильщики укладывают чемоданы в тележку и везут к стоянке автомобилей. Довольно много военных. Большинство из них — французы, но немало солдат и из колониальных войск. Но вот офицеры в серой форме с двумя буквами на петлицах: «U.S.». Американские лётчики. . . Сколько их расплодилось по всему свету!.. Здесь, на привокзальной площади великого европейского города, они лениво, с тупым высокомерием рассматривают пёструю толпу парижан, нехотя отвечают на приветствия французских «нижних чинов» . . .

Как хорош и красив Париж! Последние дни мая. Цветут каштаны, сыплется их белый цвет на тротуары. . . Солнце, жаркое, но какое-то удивительно мягкое, раскрашивает город в изумляющие глаз цвета. Кажется, весь Париж на улицах. Бесчисленное количество маленьких кафе со столиками на тротуарах. Здесь можно выпить пива, студёной воды с соками. . .

Узкими, притихшими в этот полуденный час улочками поднимаемся на Монмартр. Одинокие прохожие. Женщины с корзинками у овощных лотков. Неожиданно наша машина делает поворот. Крутой подъём, увенчанный белым собором. Это Сакре-Кёр. Отсюда в лёгком, дрожащем мареве жаркого дня открывается нам Париж. Внутри собора идёт богослужение.

Прохладная темнота. Колеблется пламя свечей. Много пожилых людей в чёрной старомодной одежде. . .

Едем к площади Этуаль. Посреди Триумфальная арка. Многорядный поток машин обтекает арку со всех сторон; из выходящих на площадь улиц выносятся всё новые автомобили. Кажется, что здесь вращается какая-то гигантская карусель, на которой представлены марки автомобилей из всех стран света. Немало машин американских марок. Пробегают и «джипы» с американскими солдатами и офицерами.

Воспользовавшись моментом, когда полицейский на мгновение остановил круговой поток, мы перебегаем площадь и направляемся к Триумфальной арке. Под аркой из-под земли вырывается пламя. Это «могила неизвестного солдата». Около неё аккуратно сложены вен-

ки. Подняться на верхнюю площадку Триумфальной арки можно лишь при помощи лифта. Обслуживают лифты ветераны двух войн.

Словно лучи, расходятся улицы от площади Этуаль. Красивые улицы. Много зелени. И даже круговорот автомобилей отсюда, сверху, не выглядит таким бешеным. Просто действует какая-то мощная пружина, и, послушные ей, мчатся (сверху кажется, что в строгом порядке) сотни разноцветных машин. Вот сейчас завод пружины кончится — всё остановится, и станет тихо и спокойно вокруг.

Наш спутник, видя, что мы смотрим в сторону Эйфелевой башни, спрашивает:

— Вас, конечно, тянет к ещё более высокой точке Парижа? Хотите подняться на Эйфелеву?

— Конечно!

Под строгим взглядом ветерана-лифтёра спускаемся вниз.

Ещё раньше мы заметили, что лицо нашего шофёра испещрено мелкими, идущими в разных направлениях шрамами. Оказывается, он участник второй мировой войны. Осколок гранаты разворотил ему челюсть. Он полтора года пролежал в больнице, пока ему по кусочкам собирали лицо, сшивали нос. Мы спрашиваем его, что он думает по поводу перевооружения Германии. — Я думаю, что если однажды меня кое-как залатали и сделали похожим на человека, то вторично немецкая граната или снаряд просто оторвёт мне голову. Будет, правда, меньше заботы для медицины, но больше неприятностей для меня!..

... Для того, чтобы подняться на верхнюю площадку Эйфелевой башни, требуется постоять в очереди у кассы, уплатить 400 франков, затем пройти к лифту. На башне три площадки; чем выше, тем дороже плата. На площадках, где пересаживаешься на другой лифт, десятки киосков с сувенирами: Эйфелева башня в миниатюре, фотографии, чернильницы и прочая мелочь. Здесь же небольшие кафе — содовая вода, лимонад, бутерброды. Некоторые экскурсанты поднимаются сюда на большой срок; поднимаются трезвыми, спускаются навеселе. Со всех сторон слышится разноязычный говор, словно это не Эйфелева, а вавилонская башня.

В медленно поднимающемся среди красивых стальных конструкций лифте мы видим и почтенных старцев с седовласыми подругами жизни и семнадцатилетних девушек с тонкими талиями в туфлях на босу ногу. Они крепко прижимаются к своим дружкам.

С верхней, третьей площадки виден весь Париж. Он тает в тихой, прозрачной дымке. Город кажется бесконечным, окраин его не видеть. А всё, что поближе, — Сена с перекинутыми через неё мостами, дворцы и площади, маленькая с такой высоты Триумфальная арка, серые дома с чёрными крышами, ансамбль Лувра, неширокие ленты улиц с разноцветными точками автомашин — всё это лежит под нами, как огромная рельефная карта. В открытые стёкла врывается прохладный сырой воздух ветер, но так не хочется уходить!

Мы долго стоим, рассматривая этот изумительный по красоте город. Слева от нас какие-то люди разговаривают на английском короткими, отрывочными фразами.

— Смотрите, город разбит на квадраты, — говорит один.

— Большая площадь, сразу не облетишь.

— А вон, видишь, квадрат Лувра?

Мы оглянулись. Разговор вели три американских лётчика. Они были в форме, со свежими орденовыми колодками на груди. Профессиональным взглядом смотрели они с высоты Эйфелевой башни на столицу Франции, словно решая учебную задачу на прицельное бомбометание. Стало не по себе.

Оставив американских лётчиков заниматься дальнейшими «теоретическими изысканиями», мы пошли к лифту.

. . . Вскоре машина подвезла нас к площади Инвалидов. Она была установлена балаганами, каруселями, американскими горками, тирами, дешёвыми аукционами, размалёванными палатками гадалок и предсказателей судьбы. . . Всё это кричало и зазывало. Со всех сторон доносились треск и грохот непомерно усиленных репродукторами пластинок. На большой круглой площадке под навесом мчались приземистые маленькие обтекаемые двухместные машины. В них сидели солдаты, девушки с раскрасневшимися лицами. Задача каждой машины заключалась в том, чтобы посильнее ударить другую. Всё это скрежетало, словно здесь раздирали на части огромные полосы железа. . .

Уже позже, под вечер, мы снова пересекли площадь Инвалидов. Утренняя духота сменилась холодным ветром, временами шёл мелкий дождь. Балаганы закрывались. Стерев рюмяна и сбросив пышные одежды, сидели за столиками гадалки, предсказатели судьбы, владельцы тиров и устало жевали бутерброды, запивая их кофе, что с утра ещё стояло в термосах. Одинокие бродяги толпились между балаганами, но на них никто уже не обращал внимания.

Хороши по утрам набережные Сены. Пришёл час, когда парижане расходятся по заводам и фабрикам, конторам, банкам, магазинам. Плывут под мостами маленькие катера и лодки. Сидят с удочками одинокие рыболовы. Выходят к реке художники с мольбертами и набрасывают на холст эти желтовато-сиреневые тона, часто неуловимые в своих переходах. Здесь, на берегу Сены, не так давно состоялась своеобразная выставка-аукцион, на которой были выставлены работы уличных художников и просто художников, чьи работы не были приняты на годовую выставку в Гран-Палэ. Рассказывают, что выставка на берегу Сены, устроенная по соседству с палатками букинистов, прошла довольно оживлённо. Многие из картин были посвящены острым социальным сюжетам. Публика охотно посещала выставку, шли оживлённые дискуссии, только картин было продано мало.

Чудесен Париж вечером. Небольшие озёра Булонского леса. По ним, взмахивая вёслами, не спеша проплывают лодки. На скамьях сидят пожилые люди. Старики попыхиывают синим дымком из трубок.

Без даты

Лондон 1954 годы. (По очерку А. Софронова).

Снова за окном вагона утро. Голубоватые воды Ла-Манша. На берегу пролива уже какие-то иные, чем во Франции, кирпичные домики с черепичными крышами. Пронесётся

с двух сторон дуга и поля. На лугах тяжёлые овцы. Много пёстрых массивных коров. В крестьянских дворах высокие кирпичные башни для хмеля, похожие на силосные. Здесь же рядом и плантации хмеля.

Маленькие, с продолговатыми перронами станции. Они безлюдны: сегодня воскресный день. Изредка взгляд на быстром ходу выхватит скучающего железнодорожника — и всё. Вдоль дорог и на станциях множество рекламных плакатов. Время близится к девяти утра. Скоро Лондон.

Начинаются предместья столицы Англии. Двухэтажные дома рабочих окраин с тесными дворами. Рабочие посёлки вдруг сменяются красивыми особняками с чугунными фигурными решётками ограды, с гофрированными дверями гаражей. . . Вот уже и сам Лондон. Накрапывает мелкий дождик. Небо всё в низко плывущих тучах. . .

Встречающих поезд довольно много. Женщины с цветами, в пёстрых непромокаемых плащах. . .

. . . И вот мы уже катим по немногочисленному в праздник Лондону. Останавливаемся по соседству с Гайд-парком в «Палас-отеле» на Бейсуотер-род.

Лондон — один из красивейших городов мира. Старинная архитектура, набережные Темзы, строгие мосты. Можно часами любоваться на Трафальгарской площади голубями, доверчиво слетающими вам на плечи. Самое хорошее впечатление оставляют лондонские парки. Много красивых памятников. Особенно много памятников военным. Да это и понятно: Великобритания вела в прошлом немало завоевательных войн.

Лондон — город концентрированной промышленности, с широко развитым, удобным для жителей транспортом. Шумный в центре, на Риджент-стрит, на Оксфорд-стрит, город тих и спокоен в сотнях кварталов, где стоят похожие друг на друга двух-, трёх- и четырёхэтажные дома. Они настолько похожи друг на друга — узкие, построенные на миниатюрной площадкой земли, — что окрашивают их как правило в разные тона, чтобы, как говорят сами англичане, «не заблудиться».

В центральной части Лондона, в районе Вестминстера, больше всего замечательных архитектурных памятников старины: здесь высится Вестминстерское аббатство, здесь здание парламента и знаменитые часы с острыми золотыми стрелками. На Даунинг-стрит, неподалёку от Трафальгарской площади, небольшой дом премьер-министра. В районе мрачных официальных зданий министерств не так уж много гуляющей публики. Этим улицам лондонцы предпочитают парки или шумную, фантасмагорическую в вечернее время улицу Пикадилли: тут всегда можно видеть скопища иностранцев, приехавших в Лондон повеселиться, развлечься. Здесь самые дорогие кинотеатры, ночные рестораны. Сейчас Пикадилли — центр притяжения для американской военщины, главным образом лётчиков. Так как в военной форме они слишком уж «заметны», был отдан приказ появляться на улицах в гражданской одежде. Это не значит, конечно, что совсем не увидишь военных. Среди худощавых англичан и застенчивых шотландцев в пёстрых клетчатых юбках довольно часто мелькают военные в серой форме, на петлицах которых тускло поблескивают всё те же

буквы: «U. S.». Впрочем, и без формы можно распознать на Пикадилли стоящих группами по три-четыре человека американских лётчиков в голубых брюках, синих лёгких пиджаках, белых рубашках, на которых яркими пятнами распластались галстуки невероятной пестроты. Они ходят по Пикадилли, весьма откровенно разглядывая женщин и девушек. Кутежи составляют их главную цель в эти вечерние и ночные часы. Рядовой американский солдат, состоящий на полном довольствии, получает вдвое больше денег, чем квалифицированный английский рабочий или средний чиновник.

Как-то вечером на Пикадилли мы зашли в небольшое кафе. В течение часа наблюдали, как американский лётчик угощал английскую девушку, постепенно вливая в неё небольшие порциями коньяк. Раскрасневшаяся девушка что-то щебетала ему, а он молчал и только смотрел на неё чуть прищуренными глазами. Потом они ушли. Сидевший за соседним столиком лондонец сказал им вслед: — Скоро появится ещё один незаконнорожденный. . .

Фраза, брошенная англичанином, не была случайной. Говорят, что в Англии тысячи незаконнорожденных детей, отцами которых являются американские военные. Этот вопрос многих волнует. Как только американец отслужил свой срок, он уже вообще недосыгаем. Немало печальных драм (?) разыгрывается на этой почве. . .

. . . Много раз мы возвращались на Трафальгарскую площадь: здесь всегдалюдно. Возле огромного бассейна с фонтанами, с дном, облицованным голубовато-зелёной красивой плиткой, отчего и струи воды кажутся яркоголубого цвета, можно увидеть и школьниц в удобной светлозелёной форме, и морячка со своей подружкой, обязательно в обнимку — так уж принято, — и безработного, с безразличным видом смотрящего на воду. Иногда к фонтанам завернёт человек, которого называют «сэндвич». На торговых улицах много таких «сэндвичей». Закован человек, как в панцырь, в рекламные щиты, на которых всякие призывные слова о продаже плащей, туфель и прочего. . . Сам он в плохонькой одежде, в стоптанных башмаках. За несколько шиллингов он бродит по Лондону целый день. В тихую погоду ещё ничего; когда же подует ветер, полуголодному человеку трудно ходить. . .

На Трафальгарскую площадь окнами выходит здание Национальной картинной галереи. А под окнами ползают два человека. Это уличные художники. Цветными мелками они рисуют на тротуаре. Рядом с ними лежат шляпы, негусто наполненные мелкими монетами. В Англии существует закон, запрещающий нищенство. Человек должен работать. Художники «работают». . . Один из них чёрными, белыми и коричневыми мелками рисует собачьи головы. Профили догов, гончих собак смотрят на вас с тротуара.

Другой художник-пейзажист. У него синие, зелёные, розовые мелки. Он рисует гору, поросшую лесом. Под горой красный с чёрным замок. Лицо у художника тоже медно-красное, обветренное. Руки от постоянного ползания по тротуару грязные, почти чёрные, и всё же на рубашке, потерявшей цвет, завязан вытертый, замасленный галстук. . .

Без даты. Продолжение.

Во время войны Лондон подвергался зверским бомбардировкам гитлеровской авиации. Сюда же с бессмысленной жестокостью фашисты направляли свои «фау». Много было

разрушено домов, тысячи людей погибли под обломками зданий. Особенно много развалин здесь, в районе Сити. Идешь — и видишь обожжённую, ещё не отшлифованную временем стену, лестницы, никуда не ведущие, оскалы пустых дверей и окон. Неподалёку от собора св. Павла какое-то разрушенное здание, поросшее травой. Кольшутся под ветерком уже успевшие вырасти после войны небольшие деревца. На чёрном щите белыми буквами надпись, сообщающая прохожим о том, что здесь когда-то была школа. Часть разрушенных зданий прикрыта многометровой рекламой. Кое-где дома строятся, но всё же ещё много, очень много развалин в Лондоне. . .

Мы зашли в кинотеатр. Шла пустынькая американская комедия. В зале сидели и американцы. Они гоготали во всё горло, хватали за бока продавщицу мороженого. Сидящие вокруг англичане отворачивались. Когда замелькали кадры кинохроники, достоинство которой, кстати, в том, что она появляется буквально через день-два после того, как снята, американцы притихли. На экране мы увидели американский авианосец, на котором происходил пожар. Отрывистый голос диктора сообщал о том, что около двухсот американских солдат погибли или оказались тяжело ранены. Зал в молчании смотрел, как санитары проносят на носилках обезображенные тела моряков. Затем появились кадры, показывающие какое-то ультрасовременное спортивное состязание: борьба, бокс — всё вместе, двое против двоих. Американцы опять начали орать, бросать одобрителльные реплики, но вдруг притихли. Они разглядели, что пара, которую нещадно колошматили, была американская. Два здоровенных японца били их лбами, кулаками наотмашь в живот, подмяв под себя, бросали на ринг, а окровавленные американцы ползали на четвереньках. . .

Во время сеансов обязательно показывают какую-нибудь рекламу. . . Что только не рекламируют на экране! И духи, и драгоценности, и порошок для чистки посуды. . . Рекламируют в рифму, с песнями, с помощью драматических диалогов, инсценировок. . . Когда на экране появляются кадры рекламы, в зале начинаются смешки: одно и то же! Обычно заканчивается такая реклама кадрами, на которых заснята продавщица мороженого. . . На мгновение зажигается свет — и вот меж рядов направляются продавщицы мороженого, одетые в точно такую же униформу, что и на экране. . .

В центре города, да и на окраинах, можно наблюдать возле кинотеатров такую картину. Очередь за билетами выстроилась на улице. Стоят терпеливо и час и другой, особенно в субботние и воскресные дни. А здесь же какой-либо певец в сопровождении аккордеониста или гитариста поёт песни, арии из опер или оперетт. Очередь стоит молчаливо. Певец и аккомпаниатор закончат пение, пройдут вдоль очереди с шапкой в руках. В шапку сыплются мелкие монеты. Затем всё начинается сначала.

. . . В магазинах Лондона очень вежливые и предупредительные продавцы. Вам не дадут, скучая, ходить по магазину, всегда предложат что-либо купить. Правда, в магазине иногда продавцов больше, чем покупателей.

Удивляет на улицах Лондона большое количество собак, причём собак не бездомных. Некоторые леди идут на прогулку, держа на поводках целую упряжку эрдельтерьеров, пу-

делей, боксеров. . . На одном из кладбищ у самого входа мы увидели большой памятник, на котором среди людских фигур была изваяна и голова собаки. Оказалось, что похоронена здесь умершая в 90-летнем возрасте вполне достойная леди — любительница собак. Голову одного из своих четвероногих любимцев она пожелала включить в общи ансамбль надгробия. . .

В Англии чрезвычайно распространены собачьи бега. Ничего общего со спортом это не имеет. По рельсе запускается электрический заяц, за ним пускают гончих. Каждая из них с лаем и визгом бросается за зайцем. Догнать его ни одна не догоняет, но пришедшая первой к финишу доставляет радость одним и печаль другим посетителям собачьих бегов, играющим на тотализаторе.

. . . Англичане очень любят спорт. К сожалению, летом футбольный сезон кончается, и мне пришлось увидеть ни одного футбольного матча. Только несколько матчей на первенство мира, передаваемых из Швейцарии, я видел в Лондоне по телевизору. Особенно любят англичане теннис — об этом говорит обилие теннисных площадок в любом городке. Как правило, в теннис начинают играть в школьном возрасте. Частенько в Англию приезжают американские спортсмены. С каждой встречей отношение к ним всё более скептическое, нередко переходящее в открытое недоброжелательство. Происходит это оттого, что американцы очень некорректны в спорте, грубят, относятся к англичанам во время спортивных встреч подчёркнуто пренебрежительно.

Задний форзац

Голубой макинтош
лакированные туфли
яичн[ый] желток
10 ликёров
Бродяга
стиль
Глазков
колхозы
как хошь
20 место
Кит. Ег. <нрзб>
религия
алкоголь
Бесы
«Б. небо»
Мать Шурки
Гитана
Левкои
Жду тебя

Берлин 17 июня
ресторан Пекин
Целинные совхозы

